

Александр БАЗАРОВ

ДУРЕЛОМ
или
Господа
КОЛХОЗНИКИ

ОТВЕТ 1-го АВГУСТА
-НА ВЫЛАЗКУ МЕЖДУНАРОДНОМУ БУРЖУАЗ-
БУРЕВЕСТИННУ "СДАЕТ
ХЛЕБА. ПЕРЕДАЕТ В ПАРТИЮ 5 ЧЕЛОВЕ-
НА ОБОРОНУ СТРАНЫ 90
ДРАВСТВУЕТ МЕЖ-
МОГУЩЕСТЬ
АРМИ

1500 ЦЕНТОВ
КОМСОМОЛ 8 ЧЕЛОВЕ-
РОДНЫЙ ДЕН
ЕСТНАЯ
КДЬ ВКП

03 10 115 В 0310(5)6 517
Александр БАЗАРОВ

ДУРЕЛОМ или господа КОЛХОЗНИКИ

КНИГА ПЕРВАЯ

Ворытинская ЦБС
Пензенской области

252329

Ворытинская ЦБС
Пензенской области

АБ

Издательство «Зауралье»
Курган, 1998 г.

Дурелом, или Господа колхозники.

Выздоровляющему не вредно показать историю его (Урал, первое десятилетие (1930 — 1940) колхозного р. Раскулачка, ссылка, бабы в борозде и зек-энтузиасты, чертогон вредителей и врагов народа — вот а симптомы эпидемии, имя которой — коммунизм.

ISBN 5-87247-020-7

© А. И.

*Светлой памяти моей мамы
Завьяловой Таисии Ананьевны*

От автора

Вышли мы все из колхоза. Все как один в плане социального происхождения, а некоторые и в смысле конкретного житейского поступка. Совершенно безразлично, прозябал ли соотечественник на трудодне, жировал ли на партийно-государственной должности считал ли годы по заводскому гудку или тянул приличный национальному опыту срок. По натуре чувств и умственному покрою мы колхозники.

С объявлением демократии культурный кумачовый цвет многих душ сначала взялся радужно-ядовитыми пятнами, а потом и вовсе осыпался. Идеологически одичавший в конце, разбрелся простой советский человек стадами по лжестравиям свободы. Одни восторженно пялят глаза на фасады чужих концепций, другие неумело и безответственно молят-ся. Те же, кому двигаться в кривом пространстве мешает склероз, зреют самомнением и зло вещают о новых революциях.

Выпавшим из товарищей в господа колхозникам трудно определиться в свободном разврате чувств, мнений и гражданских прав. То кинет в радикальное хамство, то опалит жалостью к большой и больной державе. Из прежнего социального опыта на ум приходят цитаты классиков марксизма да параграфы колхозного устава.

Думаю, что возвращению к себе хотя бы в малой степени поможет историческая хроника деградации уральских земляков в коммунары, особенно в первое

классическое десятилетие колхозного рабства. Эта хроника в руках читателя.

Две начальные главы первого тома ранее изданы отдельной книгой. ("Кулак и агрогулаг." 1991г.) Во имя сохранения общего предмета исследования и, полагая, что это в интересах читателя, я включил материалы из них в текст данного издания.

Этот двухтомник издается при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, коллективного предприятия "Красная Звезда", а также спонсоров, покрывших часть моих текущих исследовательских расходов в 1991-1997 годах. Спасибо Вам, друзья!

За информационную помощь и моральную поддержку моих исследований благодарен сопредседателю Челябинского отделения общества "Мемориал" **Мироновой Светлане Ивановне**, председателю Курганского отделения общества "Мемориал" **Шангину Михаилу Леонтьевичу**, председателю историко-литературного общества "Возвращение" **Виленскому Семёну Самуиловичу**, многочисленным корреспондентам из числа репрессированных.

За содействие в продвижении материалов книги в периодическую печать и на телевидение искренне признателен редакциям журналов "Урал", "Посев", коллективу Курганской государственной телерадиокомпании, журналисту ОРТ **Володиной Светлане Кузьминичне**, программе "Ещё одна Россия" **Санкт-Петербургского телевидения (5 канал)**.

Особая благодарность и извинения за порой излишнюю настойчивость работникам уральских архивов.

Александр Базаров

Акционерное общество имени Ильича

Обстановка располагала к запою. Четвёртые сутки западный циклон рвал облака о вершины берёз и исходил надоедливой мелкой сыростью. Дома почернели, в окнах, чистых, но отрешённо усталых, как глаза только что подоенной коровы, отражалась слякоть пустых улиц. Редкие квёлые куры скорее из любопытства, чем промысла, осторожно бродили по лужам. Под образом передовика с приконторского стенда "Наша пятилетка" заполошно орал и часто мочился продрогший телёнок.

В такое ненастье всякого приезжего горожанина одолевает сострадание к печальной деревенской юдоли или, на худой конец, патриотическая обязанность - любить Россию в непогоду. Хочется сказать каждому встречному мужику что-то утешительное, а может, угостив пшеничной сигареткой, от сердца потрафить. Испросить с озабоченной миной о видах на урожай и понимающе выслушать.

Сострадающих впервые хорошо бы предупредить: аборигенов на высокое и вечное тянет мало. К платонической жалости в свой адрес деревенские давно привыкли. А подчёркнуто вежливого примут за тихого дурня или свежего начальника. Дети практического опыта, вынесенного из подневольных обстоятельств, они и в навозе бытия ухитряются отыскать если не культурное благополучие, то хотя бы суррогат настоящей жизни.

Угрюмый природный факт загонит в тоску прошлого, в деревне с малолетства знают - скверная погода к зарплате. Многие лета гнилым ненастьем местное руководство возмещало колхозникам положенные законом дни отдыха. Увлечение личным подворьем всегда претило коммунистической власти. Дабы сделать отдых деревенщины нравственно прозрачным и содержательным, из колхозных сейфов выбрасывалась в народ вся наличность. С кооперации временно снимался обычный для хозяйственных кампаний запрет на торговлю спиртным. Ситцевые деревенские дали набухали шальными ароматами плодово-выгодного, "Солнцедара" и непробиваемого на солнечный диск "Вермута розового".

На эти терпкие дни приходится пик деревенской самобытности, основная масса житейских событий, от курьёзных до печальных. Традиционная разгульная щедрость вспыхивает и прогорает быстро, порой ещё до наступления ведра. Похмельные просветы, горькие от перебора и инстинктивной печали по пропиту, возвращают к естественной мелочности нищего, обостряют чувство пролетарской справедливости. За малейшее покусительство на принцип равенства при расфасовке последней бутылки можно схлопотать по записке. От принудительного отдыха дотла пропившейся деревне остаётся богатый шлейф острых впечатлений. Коллективное восстановление деталей алкогольного беспамятства - кто, с кем, где и сколько - вот основной предмет интеллектуальной жизни постепенно трезвеющих кормильцев.

Свата вынули из-за стола после второй. В том полусостоянии, когда чувства уже обмякли, а разум ещё смотрит изнутри осуждающе. Беседа так и не склеилась. Сват шарил мыслями по мелководу, сетуя то по поводу гниющего сена, то сломавшего ногу барана. Привычка говорить резиново и ровно, без резюмирующих всплесков, где можно бы перехватить инициативу, загоняла меня в раздражение - пьём вроде поровну, а говоришь ты один! Потом от собеседника остались одни жесты. За спиной свата в телевизоре кучковались депутаты Верховного Совета России, ку-

да в девяностом баллотировался, к счастью неудачно, сам.

Мне стало очень жалко Президента, загоняемого нардепами в угол. Но изложить волнуемого не успел. Пришёл нарочный. Деловито, будто запрягал, расспросил о здоровье, с заметным колебанием отказался от приглашения к столу, потом сообщил, что сменщик хозяина не то заболел, не то забурел, и везти рабочих на летнюю дойку некому.

Поехали. Курганский автобус, унаследовавший от прародителей внешность неандертальца и выносливость Захарки, выполз за околицу. В салоне сразу же стало весело. Богатство деревенской природы ярче проявляется по пьяни. Своё критическое полусостояние, угадывалось по движениям и фразе, животноводы перенесли где-то позавчера. Доярок второй бригады, расположенной в соседней деревне, встретили восторженно, с ласковой интонацией изощрённого мата. Те, уже сутки отдыхавшие без света и телевизора, информационно оголодали и, усевшись, потребовали мировых новостей.

"Лауру вы...ли в том же сарае!" - хором и немедленно было выдано главное. Стон душ вырвался из телес и заметался по автобусу. Полгода ожидаемую кульминацию телесериала украли. Женщины, сначала вроде бы стеснительно поглядывавшие на нового человека, то бишь меня, враз сорвались и стали крыть волнистым матом всех - от не вовремя давшей Лауры до автора перестройки.

Как человек демократических убеждений, я чувствовал некоторую абстрактную вину за случившееся и, уткнувшись в окно, мысленно оправдывался. Чтобы деревне не мигать испуганно ветренными ночами, лучше бы, конечно, укрепить столбы и подтянуть провисшие провода. Но нам подручнее вынести приговор государственному строю, чем подпереть в ограде кол. В деревне за ток платить не принято, поэтому местный электрик всегда в почёте и свят как ветеран Октября. Пребывающему в такой должности хватит двух пядей во лбу, чтобы понять - чем хуже электрическое хозяйство деревни, тем ты потребнее.

Пока ехали степью, автобус, шарахаясь и петляя, как-то справлялся сам. В лесу сразу сели по ступицы, и пришлось ожидать трактор сопровождения. В перекур шапочно познакомились. Моя робость, внушавшая подозрения на интеллигентность, перестала быть предметом интереса после пущенной по солнцу бутылки самогона. Того натурпродукта, что готовится наспех, ценится за убойную силу и от запаха которого на лету дохнут оводы.

Жёлтый трактор выполз из-за леса через полчаса. Он рыскал из стороны в сторону, как-то нервно лязгал гусеницами, можно было догадаться, что тракторист потерял себя и дергает рычаги инстинктивно. Я, признаться, боялся, что тракторист не различит и автобуса. Но животноводы были спокойны.

Действительно, трактор лихо, углом обошёл нас и, выстрелив синим дымом, замер. Механизатор мешком повис на поручнях, с гусеницы ловя ногой землю. Не удалось. Пока поднимали и чистили, он дважды пытался заснуть. Матом да тряской всё же растормошили мужика. В конце концов он настолько ожил, что впал в лирическую истерику, стал лапать мужиков за грудки и объясняться в уважении. Женщин его мутный взор из природы не выделял. Но сознание, видимо, сорефлектировало, потому как он, хлопнув ладонями и обозначив присест, выдал не в тему:

Я иду, трава качается,

Милка серет в борозде.

Я схватил гнилу картошку -

За..... .. !

Поступил, словом, сообразуясь с обстановкой и чувствами. Я в стороне давился смехом, а весёлого тракториста затолкали в кабину. Пусть поёт, приказал консилиум посаженному в кабину ассистенту. Пока поёт, не уснёт.

Не доехали километра полтора. Теперь что-то случилось с трактором. Пошли напрямую через молодую берёзовую рощу. Время было грибное, все увлеклись, разбежались и к дойке вышли разно. Тем не менее опоздавших не было. Одна доярка потерялась, но озабоченности коллектива по этому поводу я не заметил.

Где-то уснула, стерва, решил народ, к концу дойки найдётся. Вспыхнули по другому поводу. Пастух тоже запил и бросил стадо. Вскоре коров пригнали. Тем было уже невтерпёж, и они вылетали на гул вакуумного компрессора, неуклюже раскачиваясь и устало мыча.

Каждый русский мужик знает, пьяная наша баба плохая. А вот если немного выпивши, цены ей нет. Горы свернёт. Видеть бы, как работали наши чуть датые доярки! Через час справились со всеми делами, вымыли горячей водой посуду, а умываясь, дурашливо обливали друг друга и подвернувшегося, жаль - в лехах, моториста.

Обратно добирались в сумерках и сами. Выбравшись из леса, сразу увидели жёлтый глаз фонаря над током и цепочку деревенских огней. На душе стало совсем тепло. В работе и не заметили, что стало тихо. Прямо по полосе, далеко отбрасывая ошметки, нас обогнал молоковоз. За ним долго следили, пока не выскочил у деревни на асфальт. Вчера проскочить не удалось, и молоко проквасили. Да и всё равно, денег за него молокозавод не платил месяцами.

Провода тихо провисли, обещая домашний уют с мексиканским сериалом и "Поле чудес". Вдоль улиц, вероятно ко клубу, тянулся группами зелёный деревенский подгон. Снова запахло летом. На берегу речки, на мостках сидели два аборигена и добывали с устатку бутылку азербайджанского "Распутина". Их силуэты на фоне зари и притихшей речки смотрелись тонкой акварелью. Бараниха, двадцатью километрами выше в неё впадала всем известная река Теча, струилась первозданным золотом. В его изотопной глубине тихо покачивалось отражение акционеров. Верхние силуэты ещё держались хорошо, но отчаянно дискутировали. Гласные звуки раскатывались по стеклу вод, толкались, и было неясно, то ли акционеры просто матерятся, то ли матерят Чубайса.

В обычной луже перед конторой отражался только карниз здания. Деталей по мутности не виделось. Заинтересованный мог подойти ко входу и прочитать, что здесь имеет место быть "Правление акционерного

общества имени Ильича". Два последних слова были исполнены профессионально и золотом по стеклу, три первые сработаны самостоятельно на месте грубо выскобленного бараньего профиля классика и слова "Колхоз".

Шёл второй год предпоследней революции. Рынок добрался до деревни, обозначив свою победу спиртным разнотравием и ненашим куревом. Во всём остальном было как в прежнем колхозе или даже хуже. Хозяйства привычно "сдавали" продукцию, хотя сорвавшиеся с государственного поводка переработчики перестали совсем платить. Но это не так пугало, и раньше производство было нерентабельным. Колхоз развитого социализма процветал на никогда не возвращаемых кредитах.

Безысходности пока не чувствовалось. Неопределённость была. Деревенские ждали от государства благоразумия, под которым понимались привычные брежневские кредиты или подзабытый сталинский кнут. Жить по-другому они не умели.

По миру с уголовным кодексом

Богато мой Урал так и не жил. Богато хотя бы в том ущемлённом смысле, когда не всё ежедневное существование затмевается поиском куска насущного. Большие дымные города, приземистые городишки с мощной кирпичной трубой, прокоптившей за два столетия всю округу, не такие нищие, как в нечернозёмной России, но всё же бедные деревни - весь регион несёт на себе печать озабоченности и непреходящей нужды. Даже в столичном Екатеринбурге, не говоря уже о работягах - Тагилах или Магнитках, - уличная толпа по большей части состоит из спешащих на работу - с работы да по пути в магазин.

Наши претензии к богу и власти просты. Если, в конце концов, спать ложишься неголодным, день минувший можно назвать жизнью. Для моих земляков большая часть уходящего века не укладывается и в это - самое минимальное требование. Действительно, более половины социалистической истории Урал прозябал на карточно-талонной системе распределения продуктов и элементарных вещей. Мы пережили три тяжких советских голодомора (1920-1923, 1930-1937, 1946-1948 гг.), на фоне которых нищета промежуточная смотрелась терпимо. Под шорох талонов на шестой части суши и дал дуба развитой социализм.

Нынешнее витринное изобилие импортных объедков никого не обманет и не насытит. Я скажу так:

век двадцатый мы начинали лучше, чем заканчиваем. Во всяком случае, в тот дурелом, который называется Советской властью и колхозом, мы вошли много сытее нынешнего. Умом, известно, отчизны не понять. Попытаемся это сделать брюхом.

Сельское хозяйство Уральской области, которая включала до 1934 года большую часть нынешних Свердловской, Челябинской, Курганской, Пермской и Тюменской областей, "носит характер преимущественно зернового производства, основанного на хищническом использовании естественных богатств". Так сказано в справочнике "Весь промышленный и торговый Урал" за 1927 год. Урожайность была низкой - по 8-10 центнеров с десятины. В лесостепной полосе региона хозяйственные результаты были значительно лучше.

Экономика деревни оклемалась от первой советской голодухи и находилась на подъёме. Во времена позднего НЭПа валовая сельхозпродукция росла на 10% ежегодно. Уральский хлебофуражный баланс 1926 года констатирует устойчивое хлебообеспечение населения. На свободные городские рынки вывозили по 16-18 пудов на взрослую потребляющую душу. Скот патристически кормился фуражом исключительно отечественного производства.

Баланс довольно точно отражает движение хлеба в единоличном хозяйстве. В Зауралье, например, 39% зерна шло на личное потребление, 50% - на хозяйственные нужды (30% - на корм скоту и птице, 20% - на семена), оставшиеся 11% составляли товарный запас.¹ Для типичного крестьянского двора южной зоны региона, ведущего 4-6 десятин посева, выходило где-то 5-6 центнеров зерна на продажу. Обычная деревенская семья при собственном благополучии кормила трёх горожан. Хозяйство, имеющие десять гектаров посева и отнесённое властью к кулацкому отродью, кормило по меньшей мере пятнадцать нахлебников.

Документ отмечает даже криминальные тонкости. Мои земляки с каждой души населения тайно перегоняли на самогон по 12 кило зерна в год. Перевод кило-

граммов в литры доверяю жизненному опыту читателей.

Интересен и общий вывод всех экономических обзоров: экспорт хлеба с Урала не имеет будущего. Излишки, если таковые будут, рекомендовалось направлять на развитие животноводства. Предполагался, говоря экономически, переход к более прогрессивной структуре деревенской экономики. Только большевику не ясно, что импортные машины и станки сподручнее покупать за мясо и масло.

Медленнее, но упрямо оживало животноводство. В Зауралье, основном аграрном районе области, к началу 1927 года на единоличное хозяйство в среднем приходилось две лошади и четыре головы крупного рогатого скота. Обеспеченность скотом составляла две трети к уровню 1916 года, но в сравнении с нищетой начала двадцатых прогресс был впечатляющим.²

Сравнения с дореволюционным периодом неприличны. Дело не в статотчётной совести, хотя данные покажутся оголтелой монархической пропагандой. Просто там считали не поголовье, а готовый продукт. В 1913 году Урал вывез 220 тысяч пудов мясопродуктов, 31 тысячу пудов мяса птицы и миллион пудов масла. Стоимость экспортируемой годовой продукции - 18 млн. рублей золотом.³ В том году Россия вывезла в Европу более четырёх миллионов пудов масла, один миллион как раз был нашим - уральским.

Хочется оживить местный курганский патриотизм. До самой сталинской коллективизации окружное объединение маслокооперации, робкий отросток вырубленного большевиками Союза сибирских маслоартелей, поставляло свою продукцию на лондонский рынок. По 150-160 тысяч пудов ежегодно. Подумывали даже об экспорте в Америку. Утереть нос заокеанским фермерам не удалось. Зимой тридцатого около половины коров прирезали, а остальных мобилизовали в колхоз. С бумажно-отчётных колхозных надоев, известно, много масла не собьёшь.

Кормили мы гордую Европу и свининой. Курганский беконный завод до двадцати девятого отправлял на берега туманного Альбиона по 100 тысяч пудов

нежного мясопродукта.⁴ Социалистическую реконструкцию села местные свиньи перенесли ещё хуже. За месяцы ускоренной коллективизации их поголовье сократилось в семь раз.

Постепенно оживали все формы крестьянской кооперации. К 1927 году на развалинах Союза кредитных товариществ возродился Селькредитсоюз, объединяющий на исключительно добровольных началах финансовые усилия более ста тысяч единоличных крестьянских хозяйств. На его средства были построены элеваторы, маслозаводы, предприятия по первичной переработке технических культур и многое другое. В ближайших планах маячили уральская мануфактура и завод сельхозмашин, включая производство тракторов.

Развитие внутриуральского и отчасти внешнего товарооборота поддерживала потребительская кооперация, пайщиками которой к моменту её подавления государством состояло около 70% крестьянских дворов аграрных округов Урала. Смешно сейчас сказать, но тогда весь цикл сельскохозяйственного производства, закончившись в созидательной части продукцией животноводства, упирался в проблему реализации.

“Расширяющееся из года в год крестьянское стадо, - свидетельствует отчёт 1926 года, - в своей товарной части упирается в рынок, без надлежащей организации которого невозможен будет или весьма затруднителен рост товарности животноводства”.⁵ Для аграрного прогресса требовался развитый рынок. Но в краснопрестольной бредили совсем другим...

Приобщение крестьянства к идее социалистической индустриализации началось обычно - с налогов. В 1927 году ввели новый сельскохозяйственный налог, в два с лишним раза тяжелее прежнего. Принудительно установили низкие закупочные цены на хлеб. Уже сточили все формы финансового давления на деревню.

Налоговое ярмо ускоренной индустриализации, наброшенное на крестьянство, быстро превратило моих земляков в государственных должников. Уже в конце двадцать седьмого недоимки снова стали обычными для крестьянского двора. По душевной просто-

те или наивному упрямству мужик воспринял недоимки без энтузиазма и отказывался понять всю историческую важность момента, как и свою высокую жертвенную миссию в деле строительства социализма. Крестьянский консерватизм стал особенно вызывающим и даже невыносимым в свете ошеломляющих задач первой пятилетки.

Совместный циркуляр Уральского облсуда и облпрокуратуры от 28 декабря 1927 года, списанный с директивы Наркомюста, придавал исключительно важное значение своевременному взысканию налога с неплательщиков. Судебным органам и прокуратуре предлагалось провести “ряд решительных мер по оказанию должного содействия финансовым органам как в части выявления контингента неплательщиков, подпадающих под действие ст. 60 УК, так и в части наиболее быстрого прохождения дел, возбуждённых против неплательщиков налога”.⁶

Разогревая ситуацию, облсуд и прокуратура буквально через полмесяца издаёт следующий циркуляр, в котором предлагается подобная система мер и в отношении взыскания других денежных обязательств: платежей по окладному государственному страхованию, задолженности по семенной ссуде, землеустройству и т.д. “Напоминаем, - давит на психику бумага, - что при проведении означенных жёстких директив необходимо соблюдать должный классовый подход”.

Упреждая возможное недоумие педантичных служителей Фемиды на местах, следующий циркуляр облсуда от 18 января 1928 года разъяснил существо классового подхода с предельной категоричностью. “Репрессии по 60, 62 статьям Уголовного Кодекса применять максимальные, особенно по 3-ей части ст. 60 и 1-ой части ст. 62 УК лишение свободы на более длительное время, в отношении кулаков с конфискацией всего доступного в пределах закона... Приговоры приводить в исполнение самым быстрым темпом”.⁷

“Неплатёж в установленный срок налогов и сборов..., - гласит статья 60 УК РСФСР, - несмотря на наличие к тому возможности, в случае применения мер взыскания в виде описи имущества или продажи

описанного имущества... влечёт за собой в первый раз штраф в размере тех же платежей; во второй раз - принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф в двойном размере тех же платежей". В некоторых случаях эта статья предусматривала и лишение свободы.

Репрессии по взысканию крестьянских платежей сразу приняли массовый характер. В аграрных округах Урала за первый квартал 1928 года было арестовано по недоимочным статьям УК более трёх тысяч мужиков. И это в условиях постоянных упрёков из Свердловска в излишней либеральности народных судов. Коллизии, связанные с ростом сельхозналога и его взысканием, продолжались до далёких маленковских времён, став почти природным фоном деревенской жизни.

В течение 1927-1928 хозяйственного года из крестьянства Большого Урала было выкачано по различным видам платежей без товарного эквивалента 56,7 миллиона пока ещё очень весомых рублей. В одном из отчётов областного суда с сожалением констатировалось, что "статьи 60-62 для деревни являются уже статьями привычными, отнюдь не чрезвычайными, не поражающими умы ни фактом применения, ни социальным составом осуждённых".⁸

В административно-экономическом сознании быстро прогрессирует убеждение, что крестьянские доходы являются непосредственным и почти природным достоянием социалистического государства, на пути практического использования которых стоит мелкобуржуазный, шкурный интерес единоличника. В политической терминологии и документах того периода стали обычными призывы к выброске денежных ресурсов деревни, их решительной выкачке, изъятию денежных излишков крестьян и т.п.

В обзоре "Первые итоги хлебозаготовительной кампании и дальнейшие задачи партии", подписанном Сталиным в феврале двадцать восьмого, признавалось необходимым "выкачать из деревни денежные излишки, используя для этого законы о самообложении, крестьянском займе и борьбе с самогоноварением..."⁹

7 января 1928 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление о налоге самообложения, полагаясь, видимо, на природную терпеливость русского мужика. По официальной версии, средства нового налога подлежали расходованию на социальные и культурные нужды деревни. В идее самообложения лежал большой резон. Русский мужик, задеревеневший от извечного рабства, злой нужды продрозвёрстки и все-русского голода начала двадцатых, в короткие годы НЭПа снова почувствовал себя человеком, способным не только к самостоятельному хозяйственному мышлению, но и высокой культуре общения.

Идея общественных средств, пусть они называются самообложением, не нова. В любом демократическом государстве значительная часть общественных средств, собранных через налоговую систему, находится в пользовании местных органов власти, обычно муниципалитетов. За счёт местных бюджетов строятся жильё, учреждения образования, культуры, здравоохранения, содержится общественный транспорт. В одних странах они являются основной формой социальных расходов, в других - дополнением к государственным и частным вложениям. Движение средств контролируется исключительно местными властями.

Государственная забота о культурном и социальном развитии уральской деревни сразу же приняла чрезвычайный и по-военному секретный характер. В середине января 1928 года вопрос о самообложении был рассмотрен Уралобкомом ВКП(б) и президиумом Уралоблисполкома. Партийным и советским органам рекомендовалось немедленно приступить к кампании самообложения населения. Без нудных экономических обоснований - всякая ложь должна быть краткой и убедительной - определили спасительную для области сумму - 7,5 млн. рублей. Сумма удивительным образом совпала с занаряженной Кремлём.

Зауральским налогоплательщикам в кампании отдавалось явное предпочтение. По разнарядке крестьянство Курганского округа должно было собрать 900 тыс. рублей, Тюменского - 675, Челябинского - 980, Шадринского - 850, Ишимского - 690 тыс. рублей. В

директивном порядке были предписаны прямо-таки пожарные сроки проведения кампании. В январе, да, в том самом январе, в двадцатых числах которого приняты на всех уровнях власти решения о введении налога, должно быть собрано 30% предусмотренной суммы, в феврале - 60%, в марте - остальные 10%.

Первые, далеко не главные, трудности возникли с размещением налога среди населения. Культурные запросы деревни были лишь словесной ширмой, о них сразу же забыли, приступив к делу практически. Нужна была какая-то реальная основа индивидуального обложения. Остановились на сельхозналоге. Вначале решили, что самообложение будет достаточным, если составит 35% от суммы сельскохозяйственного налога. Положительная черта любого свежего налога в том, что его можно повышать. С самообложением это делалось неоднократно.¹⁰

Определение суммы налога - лёгкая теория вопроса. Значительно труднее заставить раскошелиться прижимистого мужика. Крестьянство не оценило культурного государственного почина и отнеслось к идее самообложения подозрительно, уловив иронию в самом названии налога. "Правительство старается поднять культуру, - неосторожно выразился лебяжьевский земляк Рыбин, - а вместо того, чтобы завести хорошую скотину или скотный двор, обирает меня самообложением... Наверное, не на культурные цели проводится самообложение. Наверное, политика та, что мужик хлеб не везёт, вот поэтому-то и проводится самообложение".¹¹

О плохом отношении всех крестьян к самообложению свидетельствуют многие партийные документы. В апреле двадцать восьмого секретарь Уралобкома ВКП(б) Шверник с допустимой по тем временам откровенностью признался, что самообложение проходило не совсем гладко, традиционно сославшись на бешеное сопротивление кулачества и неосознанность серой крестьянской массы. В строго секретной внутрипартийной переписке отношение мужика к самообложению неоднократно характеризуется отвратительным.

По демократическому протоколу, как-никак налог назывался самообложением, требовалось принятие суммы налога общим собранием деревни. Тонкий демократический нюанс превращал кампанию в практически невыполнимую. Действительно, наивным было ожидать единодушия от людей, привыкших думать и жить самостоятельно. Кроме того, в крестьянском сознании крепло подозрение.

"В прошлом году вы плакали на всю республику, - сказал, по доносу, земляк белозерский, - говорили, платите сельхозналог, больше с вас ничего не возьмут, а теперь..." Святая деревенская наивность! Уж мужику-то должно знать, что российская действительность на подлости неистощима.

Чрезвычайная обстановка требовала крутых мер. В январе 1928 года на места были направлены тысячи уполномоченных. Не только для взывания налогов, самообложение было тонкой лирической прелюдией самого жестокого произвола, о котором вся речь впереди. Партийно-хозяйственный актив области направлялся в округа, окружное начальство - в районы, районное, естественно, туда, где пахнет навозом.

Антикрестьянские кампании не могли опираться на демократические органы власти, коими с формальной стороны выступали сельсоветы. Необходимо было "совершенствовать" советскую демократию до превращения таковых в учреждения политического лакейства. Пока же сельсоветам отводилось фиктивное представительство деревенской власти, а фактическое руководство осуществлялось партией через институт чрезвычайных уполномоченных.

Уполномоченный, объясняя молодым, командированным сверху чиновник, обязанный следить за вашей политической и профессиональной активностью, с неограниченным правом наказывать походя или донести на вас по инстанциям. С ужесточением большевистского режима полномочия выездного комиссара расширялись до права немедленной расправы. В нашем случае уполномоченным надлежало любыми средствами обратить крестьянство в стратегически предусмотренный аскетизм.

“Положение с самообложением обстоит отвратительно, - доносит в Курганский окружном ВКП(б) уполномоченный по Чашинскому району Игнатенко, - во всех мощных селениях поголовно проваливают, вряд ли придётся провести этот вопрос вторично”. И далее, уже не уповав на силу революционного слова, добавляет: “Нужно разработать особые мероприятия по этому району, видимо, без вмешательства ГПУ для изоляции некоторых кулаков хотя бы временно, ничего не получится”.¹² Помощи ГПУ чрезвычайные агрокомиссары просили прямо-таки хором.

Имея чрезвычайные полномочия и творческий склад ума, он запретил районным уполномоченным выезжать из деревни до полной развёрстки самообложения. Инициативу, о которой наш герой немедленно сообщил в окружном, встретили с пониманием. Запретили возвращаться в город окружным, а затем и областным уполномоченным.

Наш уполномоченный ошибался, полагая, что чашинские мужики уникально скупы и несознательны. Знать бы ему историю и действительное состояние кампании в других районах.

Сибирский губернатор Денис Чичерин весной 1774 года, по свежим следам пугачёвского бунта, доносил в Петербург следующее. “Во время замешательства в Утяцкой, Курганской, особливо же в Ыковской слободах (те самые игнатенковские места - А.Б.), когда приехали в тое слободу от злодейской толпы казаковъ 50 человек, от ихъ злодейского атамана Ковалевского с приказанием, штобъ прибытия ево с толпой ожидали и заготовляли хлебъ и фуражъ, тогда все Устьсуерской слободы крестьяне взбунтовали и предались к самозванцу подъ именем Петра, третьева императора...

По усмирении и по утверждении той слободы жителей в верности присягою злодейское пламя в нихъ ещё не погасло: некоторые старались опять взбунтовать, уверяли, што самъ злодей Пугачёв Башкирью идётъ в здешнюю сторону...”¹³

Документы прошлого свидетельствуют, что у мужика всегда хватало ума понять свой хозяйственный

интерес, отличить героя от душегуба, доставало и мужества пожертвовать многим во имя общественного блага. В уполномоченных партии и Советской власти сразу увидели государственных вымогателей. Отчёты с мест, а их стали требовать и сводить с военной оперативностью по пятидневкам, полны упреков в несознательности и даже озлобленности крестьянства.

Применение репрессий, по мысли многих уполномоченных, было вернейшим средством образумить деревню. А заодно и придать демократии нужное направление. Скоро окружкомы партии директивно указали на необходимость применения всех рычагов пролетарской диктатуры. Местные инстанции слово в слово переписывали злые директивы, боясь, как бы в собственную редакцию не закрался какой-нибудь наём на послабление.

Общие собрания проваливали идею самообложения сразу. Широко понимаемая демократия работала против государства, а иначе сказать - лицемерие наобум не проходило. Так как концепция социализма была выписана гениально и полностью, менять следовало что-то в демократии.

Начали с резкого увеличения числа “лишенцев”, то есть лиц, лишённых права голоса. Отказать человеку в элементарных гражданских правах оказалось совсем несложно. Сельсоветы составляли списки самых отчаянных и недовольных на предмет лишения их права голоса. Согласно “Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа РСФСР, принятой летом 1918 года, к лишенцам отнесены классово чуждые элементы, эксплуататоры, служители культа, осуждённые и сумасшедшие. Деревенской гнили в образе сельсоветчика пали в руки большие полномочия. Гамму указанных признаков он обобщал до понятного расклада - за Советскую власть или как все.

С утверждением списков не вдавались в сомнительные юридические тонкости, посчитав, что авторитета райисполкома тут вполне достаточно. РИКи подмахивали списки оперативно и даже охотно. Лестно же вынуть соседа из шкуры гражданина. Работа, требующая больше политического энтузиазма, чем

ума, покати́лась гладко. В деревне быстро пухла про-
слойка бесправных, но глубоко обязанных.

К 1930 году в одном Курганском округе насчитывалось 19 тысяч лишенцев. По Уралу где-то четверть миллиона осипших. Было бы больше, какие заботы, пыл охладил секретные директивы, разъясняющие, что для государственного интереса важнее не лишение эфирных прав, а конфискация осязаемых вещей - денег и хлеба.

Правовое государство, гарантирующее гражданские свободы, - продукт долгой истории. А уничтожить его можно сразу. Эта плодотворная для всякого решительного революционера мысль сулила большие перспективы. К чему утомительно качать права каждому отдельному крестьянину, если можно решить проблему сразу и с государственным размахом.

В проведении самообложения сельсоветам рекомендовалось опираться на бедняцко-середняцкий актив. Что понималось под столь распространённым политическим термином? Никто не дерзал думать, что бедняк и середняк отдадут свои тощие рубли с благоговением. Скорее наоборот. Всякого, имеющего деньги, тем более зарабатывающего их своим трудом, естественно считать противником налога. Кого и за какие достоинства причислили к цвету деревни? Кто на местах мог стать деятельным сторонником налога и властных мероприятий вообще?

Уполномоченные и местное начальство не в счёт, они подневольный штат государственной бюрократии. К официальной идее они привязаны содержанием. Деревенский пролетариат? Для социалиста, озлобленного классовым подходом, привычно считать бедняка объективным результатом эксплуатации и носителем светлой нравственности. А если это абсолютный бедняк - пролетарий, то всякие сомнения относительно его прогрессивности излишни. Чем босее, тем прогрессивнее. Мы с детства воспитаны на подозрении ко всякому индивидуальному достатку, хотя природа находит себя во внутренней зависти.

Не замахиваясь на высокую социалистическую идею, усомнимся лишь в святости нищеты. Человеку

труда вовсе не обязательно быть нищим. Из этого факта, доказанного, к сожалению, другими, следует исходить и нам. Заслуживает осуждения общество, где рабочий прозябает в бедности, а общественные идеалы эгоистически оторваны от труда. Здесь мы опять скорее подсудимые, чем судьи. Независимо от того, возводили ли бедность в общественную добродетель или увлекались пропагандистскими миражами всеобщего изобилия.

А бедным можно стать и помимо железных законов истории. По причине элементарной лени, например, общественной и личной bestолковости. Да и мало ли есть обстоятельства, позволяющих быть человеку не совсем трудолюбивым. Затянувшаяся феодальная история России с натуральным крестьянским двором не способствовала развитию высокой культуры сельскохозяйственного труда и самого работника.

Рынок ставил каждый двор в естественные условия конкуренции, будил от сонной патриархальщины и втягивал в активный общехозяйственный оборот. Вместе с тем деревня разваливалась на способных жить по-новому и прогрессивно нищающий сухостой, склонный к агрессивной зависти и социализму.

Естественно, представления о справедливости у работника и люмпена совершенно различные. Для первого это общество, в котором личное и народное благополучие основано исключительно на труде. На необходимости труда покоятся крестьянское мировоззрение, мораль и эстетические взгляды.

Для второго - представления о справедливости ленивы, просты и радикальны. Отобрать и разделить поровну - к этому сводит люмпен, городской и сельский, всё содержание преобразований. Он за утверждение справедливости путём постоянной перетряски частной собственности в сторону уравниловки.

Добровольно участвовать в ограблении крестьянства мог только деревенский сухостой, те, у кого лакейство оставалось единственной добродетелью. Были в деревне способные на подляну, в семье не без уроды. Таковых, однако, на сколь-нибудь представительный актив не сразу насобираешь. У односельчан, пусть

даже самых отчаянных, есть определённые границы революционного самоуправства. Деревня сильна общественным мнением и кровным родством. Борьба борьбой, а жить-то рядом. Местного дурака можно записать хоть в большевики, хоть в троцкисты, умнее он от того не станет.

Пока деревенщина не деградировала в колхозников, доморощенный энтузиаст был в дефиците. Поэтому самыми надёжными членами деревенского актива оставались люди пришлые - выдвиженцы, всякие тысячники, а потом и профессионально вышколенные ганьбу. Им надлежало будировать и бумажно оформлять соответствующие почины, ссылаясь на поддержку деревенского актива, в котором преобладал битый да грабленный.

Вернёмся к архивным материалам. Уполномоченный по Половинскому району доносил следующее. На собрание в селе Чулошное было приглашено 34 человека из 360 имеющих право голоса. На другой день удалось собрать 71 человека. За самообложение проголосовало 48 человек, то есть "большинство".¹⁴ Хватит ли того, спрашивал уполномоченный, у секретаря окружкома ВКП(б), а то иного выхода нет. Соберёшь много народа - обязательно налог провалят. Парня похвалили за живость ума, посоветовали в протоколе не указывать количества присутствующих, а констатировать лишь факт положительно голосовавшего большинства.

Спектакли усечённой демократии вошли в моду. "Первое собрание не состоялось, - доносил более опытный эмиссар из деревни Жилино того же района, - а второе - народу набилось в две комнаты, как сельдей в бочке!" Затем с гордостью излагает факты собственной политической расторопности. Накануне, по приезде в деревню, он встретил на улице пьяную женщину, от которой разило продуктом домашней выделки. Баба была немедленно арестована и заперта на целую ночь под замок.

Наутро, угрожая тюрьмой, выпытал - у кого есть самогонные аппараты. В числе самогонщиков оказалась абсолютная беднота, то есть потенциальные ак-

тивисты. Не воспользоваться ситуацией было бы преступно. Амнистировав самогонщиков под обязательство голосовать за налог и активно призывать к тому собутыльников, удалось принять налог в этой маленькой деревне с первого захода.

На собрании были некоторые процессуальные сложности. Трезвые и непьющие постоянно возникали, особенно какой-то Гомзяков. После ареста оного голосовали за самообложение абсолютным большинством. Но неохотно. "Видно было, - отмечается в донесении, - что часть граждан дожидается того же, что и Гомзяков". Тут же испрашивались указания относительно судьбы активистов - оставаться ли человеком слова или, поступив принципиально и партийно, отправить самогонщиков в суд. Посоветовали оштрафовать пособников на месте.¹⁵

Об арестах. С самого начала кампании самообложения они стали обычными. Репрессии и угрозы были, пожалуй, самыми вескими аргументами в деревенской демократии. Уполномоченные несли не только слово, они укомплектовывались милиционером или следователем, могли обратиться за помощью в райотделы ОГПУ. А обстоятельства почти повсеместно требовали такой помощи. "Отдано распоряжение об аресте", - самый распространённый фрагмент отчётов. Когда секретарь Марайского райкома предупредил о недопущении перегибов и принуждения силой к самообложению, ему дали разгон в округе и зло рекомендовали использовать всю силу пролетарской диктатуры.

Отрусевшие маленькие деревеньки сопротивлялись недолго. Труднее было с крупными и дружными сёлами. Шантаж, это хорошо понимали в партийном руководстве, здесь малоэффективен. Деревня ещё не привыкла бояться. Да и где набрать такую свору милиционеров, следователей, сотрудников известных органов. А рука, лежащая на кобуре, была единственным реальным основанием всех полномочий агрокомиссаров. Требовались свежие подходы в теории и практике классовой борьбы.

Творческий поиск углубился в механизм демократии. Речь не о лишениях, хотя и тут в сообразительности красным не откажешь. Мысль сосредоточили на процессуальных аспектах голосования против себя. В исходных государственных документах указывалось, что собрания действительны в том случае, если собрано не менее половины жителей, имеющих право голоса. Заметьте, не голосовало, а собрано.

Этот терминологический нюанс, если оценивать итоги голосования по классическому большинству, обеспечивал поддержку налога при четверти голосовавших "за" жителей. Один голос в поддержку налога, таким образом, перекрывал три голоса "против". Демократия по-красному становилась резиновой благодаря ещё одной классовой закавыке. Решения о принятии налога вначале утверждались на собраниях бедноты, которая была освобождена от его уплаты. Тут же решалось, кого из однодеревенцев пригласить на общее собрание.

Да-да, именно пригласить. Деревенское охвостье могло лишиться права голоса по соображениям далеко не нормативным. Ну не нравится они нам и всё тут. Тот в прошлом году не дал займы на выпивку, а этот гонит кнутом от своей дочери-невесты.

В 1928 году не удалось загнать на собрания даже половины деревенских жителей. Ситуация, скажу поближе, напоминала нынешние выборы в Государственную Думу и придумки местные. Кандидатов - хоть пруд пруди, а избиратели хрен на всё заложили. Полная атрофия гражданской дееспособности. По причине злостного корыстолюбия избранников и пренебрежения к делам общественным. Воруют как в последний раз и независимо от пасьянса, что бубновые большевики, что пиковые демократы.

Вернёмся к нашим баранам. В дополнение к существующим правилам голосования было установлено, что собрания действительны при одной трети жителей. Ежели они запрямятся и на этот раз, назначать директивно новое собрание и голосовать при любом количестве собравшихся. Демократическая мысль, таким образом, отшлифовалась до блеска и скучала по

практике. В отчётах уполномоченных количество собравшихся характеризуется всё более образно и менее протокольно.

И правильно. Какой смысл гоняться по деревне за лытающими от власти мужиками, если процедура одобрения получила временные границы. При любом раскладе "классовых" сил положительное решение обеспечивалось максимум в три собрания. Правда, при одном существенном условии, заметно осложняющем демократические начинания. Для проведения налога всё-таки требовалась поддержка большинства.

Большинство из меньшинства - это стало основой отечественной политической культуры, удачно сочетающей мерзость диктатуры с тонким ароматом демократии.

Конфликт нарастал. Деревня работала, бедствовала, праздновала и защищала свои интересы сообща. Защищала как могла. Уполномоченные жаловались, что мужики морально издеваются над представителями пролетарской власти, коими считали себя. В самом деле, как расценивать ситуацию, когда на эле согнанном общем собрании нет голосующих ни "за", ни "против"? Только под ехидный смех толпы всплывает несколько рук воздержавшихся. По такому быстро освоенному сценарию разыгрывались многие собрания. Иногда действия приобретали анекдотический оттенок.

Уполномоченный по Режевскому району Антонов, получивший когда-то красное знамя за первое место по продразвёрстке, озабоченно доносил в окружном партии: "...после доклада было голосование, получилась такая картина, что ни "за" никого нет, "против" - никого и воздержавшихся только один. Когда я навёл справки, оказалось, что этот воздержавшийся - колчаковский комендант, белогвардеец". Воздержавшегося арестовали. Сам виноват, не отвык от дворянских привычек.¹⁶

И уж совсем политически обнаглели щучанские мужики (ныне район Курганской области). На общем собрании бедняцкое большинство, которое по всем законам исторического материализма должно быть

революционно-прогрессивным, дружно проголосовало "против". Зато робкая кучка зажиточных, лстиво сгрудившихся впереди, голосовала за самообложение. Налог не прошёл, а ошарашенный председатель собрания успел, однако, заметить в глазах "активистов" ехидный блеск.

Ситуация постепенно подвела к альтернативному положению дел. Либо возвращаться к естественному рыночному развитию, либо усиливать диктат и давление на деревенщину. Короткий ум всегда предпочитает насилие. Наиболее ретивые агрокомиссары сразу стояли на том. Возьмём для примера уполномоченного Курганского окружкома ВКП(б) и члена окружного суда Булыгина.

Уникальность нашей истории в том, что самыми лютыми преступниками всегда выступали люди, призванные по должности защищать правопорядок. Профессионально ухватив голую суть вопроса, наш герой не стал наводить тень на плетень с демократическим утверждением налога. Доведён сверху - значит, обязателен к выполнению! Ведьмы существуют потому, что есть суды над ведьмами, утверждал ещё в сумеречные средние века английский король Яков, автор "Демонологии". И подпирал силлогизм убийственным доводом, - а святая инквизиция ошибаться не может!

Наш большевистский мракобес раньше отечественных профессоров уловил, что пролетарская власть тоже действует божественно и объективно. Ошибаться, рискуя головой, могут только подчинённые. Исходя из чего, приказал демократию в Белозерском районе отменить и довести план самообложения до каждого двора. А будет от кого культурному началу сопротивление - отправлять в тюрьму.

При распределении занаряженной суммы налога по дворам посеяли первые зёрна межкрестьянской розни. Посеяли намеренно, с расчётом спровоцировать на деревне "классовую" борьбу. Мы свихнулись на этой самой классовой борьбе, полагая нормальным, когда соотечественники остервенело рвут друг друга за горло или идут стенка на стенку. В двадцать вось-

мом пока только возмущались, почему налог должен платить тот, кто больше работает.

От идеи самообложения пропорционально сельхозналогу тогда отказались быстро. Демонстрируя классовую солидарность с бедняком, своим, доморощенным, партийные органы решили основную часть налога переложить на домовитого мужика, нейтрализуя его собственнические наклонности. Давно ли нашу нынешнюю налоговую инспекцию осенила мысль, что полезнее обмолачивать клиента живого, нежели возиться с хозяйственным покойником. Если плательщик взъерепенится, решили в двадцать восьмом, можно обозвать его кулаком и придать отношениям задиристый провокационный характер.

Беднякам же начали выдавать векселя на освобождение от налога в обмен на твёрдое обещание любить Советскую власть. Итак, лодырь, обласканный весомым избирательным правом и гарантиями экономической неприкосновенности, а в случае конфискации чужого добра и надеждами на приобретения, вдруг становился классово озабоченным и политически агрессивным. Правда, радикальное классовое сознание постигло немногих, да и не лучших. Но в рамках социалистической демократии было традиционно важно не количество активистов, а факт их наличия. Система всегда находила организационные формы превращения их в подавляющее меньшинство. Даже когда это противоречило закону.

Обратимся к документам. В директиве от 7 февраля 1928 года Уралобком ВКП(б) разъясняет, что "в практике работы по проведению самообложения на местах обнаруживаются случаи нарушения сходами установленного законом порядка распределения самообложения по отдельным социальным группам, допуская иногда против закона в большей степени увеличение тяжести самообложения на кулацкие и зажиточные слои населения.

Обком ВКП(б) считает необходимым указать окружкомам, что в тех очень исключительных случаях, когда допущенные сходами нарушения не носят характера особо грубого нарушения закона и преследуют

лишь цель некоторого усиления нажима на кулацкую верхушку деревни, и если эти решения вынесены при полном согласии всей бедняцко-середняцкой массы деревни, и, следовательно, применительно к местным условиям являются безусловно политически выгодными, отмена таких решений сходов лишь только по формальным соображениям нецелесообразна".¹⁷

Не обращайте внимания на форму и стиль изложения. Перед вами кость из советского мезозоя. Существенно то, что материальная и политическая выгода ставится определённо выше закона. Уралобком партии легко рекомендует его перешагнуть.

Через неделю ВЦИК и СНК РСФСР принимают постановление, в котором "сельским Советам разрешается отступать от установленного способа раскладки самообложения в сторону усиления обложения особо мощных крестьянских хозяйств или установления льгот для малоимущих хозяйств".¹⁸ Местному произволу и провоцированию внутридеревенской грызни придали статус государственной политики.

За громкими словами о культурном развитии села стоял чисто экономический интерес. Ну в самом деле, какой смысл ошпаривать фискалом бедняка, у которого за душой ни копейки. Пусть уж останется в политическом активе, коль бесполезен экономически. Объектом пристального внимания нашего государства всегда был человек работающий и создающий. Это внимание, вне зависимости от того, было ли оно прикрито саваном классовой борьбы или лёгким флёром хозяйственного расчёта, всегда оставалось по сути государственным грабежом.

С другой стороны, мобилизованный обманом и лестью, актив поганил деревенщину изнутри. Бучило разрушения и произвола искало удовлетворения, разжигая искры взаимной вражды. Демократический фарс перерастал в скрытую гражданскую войну с мужиком. С 12 часов ночи и до утра по телефону передавались строго секретные сводки о прохождении кампании. Сотни нарочных скакали в суровой зимней ночи, пряча за пазухой осургученные конверты. Всё мило напоминало романтические годы гражданской.

Оптимизм власть узурпировавших нарастал. "Завтра будет проводиться вторичное собрание, - без тени сомнений сообщает уполномоченный из тихого Мокроусовского района, - на прошедшем получили на два голоса меньше. Собрание признано незаконным. Сегодня ведём вторичную подготовку". Деревня была обречена. В некоторых местах собрания проводились по восемь-десять раз! Но государство победило. К середине февраля сумму налога "демократически" раскидали по дворам. Взыскание передавалось в руки финансовых органов. Где демократия оказалась бесильной, налог ввели директивно.

Сельские сходы, шумные в январе, постепенно рассосались. Наученные опытом первого месяца кампании, агрокомиссары впредь их и не проводили, а расписывали налог по крепким дворам, передавая затем обязательства в районные службы. Теперь можно было ехать домой.

Закутавшись в тулуп и солому кошевы, уполномоченный глядел на верхушки уснувших в холоде берёз, на облака, на залатанный полушубок возницы и вспоминал.

"Верхняя Алабуга - против, собрание будет отменено как незаконное, нет кворума, работа ведётся дальше...

Мочалово - нет решения, видя, что вопрос не пройдёт, наши товарищи, пробившись до пяти часов утра, добились снять вопрос с повестки дня, хотя собрание было законным, иначе выхода не было.

Плотниково - за, первое было отменено как незаконное.

Боровлянка - за, сразу.

Берёзовое - за, первое было отменено как незаконное.

Соснова-Отного - первое собрание против, работа ведётся дальше..."¹⁹

Агрокомиссар плыл в полусне воспоминаний. О бок грелась полевая кожаная сумка, в которой лежали документы, удостоверяющие положительный итог командировки в Звериноголовский район. Лишь изредка, когда из памяти набегал неприятный факт игры

в демократию, он, пугая тоже кемарившего кучера, вслух сокрушался: "Да-а-а...! И какой же я был дурак!" После чего лез глубже в тулуп и старался вытолкнуть из головы каверзное, сосредоточенно перебирая в памяти лики деревенских молодых.

Кампания ушла в историю. Специально для свято верующих в непорочное зачатие социализма достану ещё один архивный документ. В телеграмме Молотова на имя секретарей окружкомов ВКП(б) от 8 января 1928 года, то есть вместе с выходом постановления о самообложении, предписывалось: "при обосновании указанного декрета необходимо отмечать, что с ростом благосостояния деревни и её культурных потребностей самообложение населения уже получило широкое распространение в последние годы по инициативе самого крестьянства и что декрет лишь вводит инициативу в определённые нормы и уточняет цели самообложения".⁴⁰

Вот так-то! Выходит, зря мужики ерепенились. Для официальной истории государства и партии уже была заготовлена светлая версия налога. С претензией на высокие цели, государственную мудрость и всенародную поддержку. Сладкий яд политической лжи превратил примитивную обираловку в восходящую героинку социалистического строительства, а прижимистого земляка - в энтузиаста.

Оперативно проведённая кампания по размещению самообложения выявила огромные потенциальные возможности социалистической демократии в деле государственных приобретений. Напрашивалась и была реализована естественная мысль о дополнительном самообложении и даже превращении этого налога в постоянно действующий механизм выкачивания денег из деревни.

Когда исторические претензии значительно превышают наличный ум, государству не хватает денег. Возникает массовое бюрократическое поборотворчество. В унылой советской экономике всестороннее ограбление граждан есть единственно возможный промысел власти. В широкой гамме деревенских поборов, задрапированных высокими большевистскими

лозунгами, особое место по лицемерию занимают государственные займы.

В практике многих стран займы и финансовые обязательства государства играют серьёзную роль. С их помощью регулируется денежное обращение, частное предпринимательство, проводятся военные и социально-экономические программы. Государственные ценные бумаги украшают активы банков, в силу высокого рейтинга они предпочтительны для хранения переходящего по наследству семейного капитала. Непременным условием размещения государственных займов является добровольность и, разумеется, выгодность покупки ценных бумаг, высокий уровень гарантий государства. Рост обязательств государства свидетельствует об интеграции его интересов с интересами кредиторов. Покупая облигации, население тем самым выражает доверие финансовой деятельности государственного аппарата.

С нами всё ясно. Тотальная благоприобретённая бедность культивирует в народе упрямую веру в чудотворное и быстрое обогащение. Думаю, потому мы первобытно восприимчивы к лотереям, розыгрышам и прочим многообразным аферам, рассчитанным на экономическую невоспитанность. Ко всему тому, что известный английский утопист называл добровольным налогом на дураков. В последнее время нас на сей счёт учили неоднократно. Учили и государство, и расторопные частные учредители. Природа взяла своё. Стремление дожить оставшееся на халяву задавило всякие сомнения рассудка.

Наши прародители жили исключительно своим трудом, на государственную милость не надеялись, а случись какой-то казус - предпочитали, до того перекрестясь, лучше обмануть, чем быть обманутыми. Веру в бога материальными претензиями не оскверняли. Советской власти и облигациям деревенщина не верила, поэтому каждая кампания подписки на заём обещала быть интересной.

А их в нашей истории было множество. В первое колхозное десятилетие прошло несколько выпусков займа индустриализации, займа тракторизации, займа

“пятилетка - в четыре года”, “укрепления обороны СССР”, укрепления крестьянского хозяйства... В последнем случае деньги отбирались у единоличников, чтобы пустить их на ветер в колхозе. Все кампании напоминали финансовую повинность, денежный оброк. Отсутствие реальных обязательств перед кредиторами содействовало бесконтрольности в использовании средств, провоцировало общенациональную бесхозяйственность. Гигантомания великих строек порождена этим обстоятельством наряду с использованием колоссальной массы живого принудительного труда.

В специальном постановлении Уралоблисполкома январём двадцать восьмого отмечалось: “реализация займов является важнейшей политической и хозяйственной задачей всех советских и общественных организаций области”. Уралобком ВКП(б), облисполком и Уралпрофсовет на троих сообразили обращение к населению региона - “ни одного крестьянского двора не должно остаться без займа укрепления крестьянского хозяйства”. По-военному лаконичный норматив лёг в основу многих директивных документов, оставаясь незыблемым для всей политики госзаймов на долгие десятилетия.

Подписка на займы индустриализации и укрепления крестьянского хозяйства совпала по времени с самым интенсивным моментом хлебозаготовок. Поэтому архивные документы отражают принудительное размещение облигаций походя с процессом конфискации крестьянского хлеба. В секретной депеше из Москвы за подписью Сталина приказывалось “добиваться досрочных взносов всех платежей, одновременно развернуть кампанию по распространению крестьянского займа; недостижением в недельный срок реальных успехов в смысле решительного перелома в хлебозаготовках можем поставить перед необходимостью замены нынешних руководителей”.²¹

Внешние обстоятельства диктовали, умно сказать, методологию экономических отношений в деревне. Все крестьянские платежи, включая принудительную подписку на заём, рассматривались как средство абсо-

лютного обезденежья деревни. Конечным итогом процесса, по мысли партийного руководства, должна стать массовая продажа хлеба государству по установленным заниженным ценам.

В начале 1928 года Уралобком ВКП(б) совместно с Уралоблисполкомом разработали целую обойму мероприятий по выкачке денег из крестьянства, в которых помимо рассмотренных платежей планировалось усиление притока паевых взносов и вкладов в кооперацию и сбережений в сберкассы, сокращение притока денег в деревню путём сжатия сельскохозяйственного кредита и сокращения авансирования под сырьевые заготовки.

Антикрестьянские по своей природе, финансовые мероприятия 1928 года полагали в ближайшей перспективе замену свободного рынка хлеба с устойчивыми и сбалансированными ценами на систему государственных заготовок, базирующуюся на неэквивалентном обмене. Надо было принудить мужика сдавать хлеб государству на условиях, выгодных последнему. И сделать это планировалось решительно и быстро.

Уполномоченные вылетели в народ с твёрдой установкой - тянуть с мужика живым продуктом и мёртвой наличностью, для чего были вооружены чрезвычайными полномочиями. В страхе за свою судьбу, замкнутую персональной ответственностью на сроках и объёмах отнятого, они не останавливались перед самыми радикальными мерами. Демократия выходила из моды, чаще приходилось по-нагульновски выхватывать из кобуры последний многозарядный аргумент.

В памятках распространителям займов, разработанных на местах, рекомендовались личные беседы с сельчанами, с особенно прижимистыми - поздно вечером или ночью; многократные вызовы на актив, широкое использование всякого бойкота. Применение угроз вытекало из самого характера задач. Словом, надо было творчески ориентироваться по ситуации, не забывая о старательском умысле. Как, например, уполномоченный по Егоршинскому району Свердлов-

ского округа Кушнерук, чей доклад покоится в стенограмме закрытого заседания окрисполкома.

“20-го числа в селе Покровском, - пишет он, - было созвано заседание ячейки. Ячейка - 53 человека. На заседание трезвых могли собрать только 14 человек... На следующий день 21-го числа велел созвать пленум Совета, но собрать его не удалось, так как явилось только пять-шесть человек, и пришлось провести президиум, и то с большим трудом. Председателя Совета 22 января привели ко мне под конвоем, но он, видите ли, заболел... Вот что получилось с нашим благим начинанием созвать расширенный пленум со всеми пролетарскими организациями деревни...

Пьянствовали пять дней подряд. За это время пропили 7,5 тысяч рублей. Пьянствовали всё крещение - 19, 20, 21 и 22 числа. 23 ходили все опохмеляться. Результат был такой, что 21 человек оказались изрезанными ножами. Но главное, что режутся, а не жалуются друг на друга, потому что, говорят, ещё будет Покров день, там и сквитаемся.

На пленуме 22 января я меньше всего стеснялся и так отчитал этот пленум, эту Советскую власть на селе, как только можно было красиво и художественно разделать... Трезвые женщины ревели от умиления и удовольствия, мужики дошли до того, что безо всякого принуждения подписались на 600 рублей...”

“Приезжаю в Липино, - продолжает наш орёл, - на собрании только один заядлый мужик выступил, который сказал, что это мошенничество. Я сказал, что за это ему три года лишения всех прав за оскорбление Советской власти при исполнении служебных обязанностей. Попросил избача, чтоб нашёл статью и ему разъяснил. В результате он подписался на заём”.²²

В отчётах денежных заготовителей, несмотря на примитивность исходных установок, отразилось всё многообразие отношений административно проектируемого социализма. Отечественная литература как-то обошла этот исторический момент, сразу увлекшись героическими буднями колхозников. А подойди к нему с чёткими ориентирами социалистического реализма, получился бы живописнейший этап в летописи

наших свершений. Мировая культура обогатилась бы светлым и противоречивым образом революционного мародёра. Факт!

“Провозившись с ними до четырёх утра, - устало сообщает уполномоченный Курганского окружкома ВКП(б), - добился подписки на заём”. Другой, из Лебязьевского района, пишет без оптимизма: “В нашем селении продано приблизительно 12% из пяти тысяч рублей. Надеемся на днях реализовать ещё 30%, а то и более. Беднота денег не имеет, хлеба тоже не имеет; середняцкая часть берёт очень мало, а зажиточная часть не хочет брать совсем”.

В предчувствии срыва кампании некоторые уполномоченные впадают в глухую меланхолию и отчаяние. Другие раскачивают в себе чувство озлобленности, закономерно перерастающее в классовую ненависть ко всем, имеющим деньги. Да что говорить о послушных исполнителях? Все государственные органы постепенно наливались злобой к политически инфантильному крестьянству. Директивы становились всё секретнее и жёстче.

Помимо уполномоченных мужика брала в оборот вся советская общественность. “После самообложения, - указывается в директиве Курганского окружкома ВКП(б), - приступить к широкой разъяснительной кампании... Цель - добиться от общих собраний одобрения с их стороны мероприятий правительства, а к тому времени подготовить и зарядить контрагентуру, женщин-делегаток, комсомол, пионеров, учительство и др. и приступить с места в карьер к подписке”.²³

В документах по сему вопросу просматривается недолгий, но содержательный военно-экономический опыт гражданской, отождествляющий производителя с жеребцом. К очередной психической атаке на мужика приглашаются, нет, обязываются, все от мала до велика. Не исключая и членов его семьи.

В директиве от 27 сентября 1928 года Уральское облоно угодливо и со всей категоричностью предлагало провести следующие мероприятия. “Школы первой и второй ступеней семилетки, школы крестьянской

молодёжи развёртывают беседы среди учащихся во время занятий и на ученических собраниях, добиваясь того, чтобы каждый учащийся сделался активным участником-пропагандистом приобретения займа в своей школе, семье и среди окружающего его населения".²⁴

Были ли моральные границы, которые бы удерживали наивного ребёнка в чужой политической игре от предательского доноса на родителя? Судя по архивным материалам и печати тех лет, они в советской нравственности отсутствовали. Обвинения против родителей в несознательности воспринимались властью за проявления общественной активности.

Указанной выше директивой Уралоблоно, подготовленной совместно с облисполкомом, учащимся профессионально-технических учебных заведений предписывалась более действенная форма пропаганды - подворный обход. Может, у ортодоксальных сторонников коммунистического воспитания есть на этот счёт веские аргументы, но чисто человечески стыдно видеть детей, нищенствующих в пользу государства.

В борьбу за чужие деньги включились даже аполитичные медики. Пришёл, к примеру, мужик по болезни или в профилактических целях к фельдшеру. А тот суёт ему в нос обращение областного отдела здравоохранения, где прописано всем сельским врачам участвовать в пропаганде займов. И их профессиональная зрелость напрямую связывается с числом завербованных пациентов.

Мужуку - хоть в монастырь. Чтобы не подозревали дети-школьники, не пилила жена, втянутая по дурри в активистки, не озлоблялся сельсовет, чтобы не попасть, оборони бог, под зоркое око пролетарской диктатуры, как любовно называли ОГПУ газеты, мужик вздыхал и платил, если мог, наличными за свою дорожающую час от часу репутацию. Если наличности не было, шёл в стайку накормить в последний раз и попрощаться со скотиной.

У нас впереди знакомство с эпохальными событиями хлебозаготовок и коллективизации. На их фоне принудительная продажа облигаций смотрится мел-

ким фрагментом в безысходной судьбе уральской деревни. Уклонение от займа квалифицировалось какотягающее вину обстоятельство. Наличие облигаций, в свою очередь, не освобождало от исторической ответственности за общественный прогресс, поскольку конечной целью экономических претензий к мужику был хлеб. Впрочем, ситуация со временем показала, что оставлять облигации на руках земляков весьма рискованно.

На облигации, всученные под пыткой, моральной или физической, крестьянин смотрел как на пустую бумагу, которую при первом же удобном случае норовил вновь обменять на деньги. В том стремлении его не останавливали самые святыя заверения государства о высокой ликвидности облигаций и навязчиво показательные тиражи выигрышей. Дело не в природной подозрительности русского мужика к властям. Деньги-то были отнюдь не лишние.

В уплату обязательств по подписке и налогам продавалось самое необходимое. Хлеб - основа крестьянского благополучия, последний ресурс семьи. В 1928 году корова стала той страховой суммой, которой хозяин расплачивался за всё. В связи с финансовой агрессией государства начался забой скота. Отечественная статистика отразила данный факт как положительный рост товарности животноводства.

Таясь от соседей и местных властей, крестьяне понесли облигации обратно. Житейская хитрость вылилась в крутом двадцать девятом в массовое явление. Массовый сброс облигаций начался в городе. Продолжительный кризис и рост цен били по семейному бюджету пролетария. За индустриализацию платили не только деревенские. В самом начале тридцатого Уралоблисполком констатировал ажиотажный сброс населением облигаций прежних выпусков. К этому моменту государству вернули 57% облигаций первого выпуска займа индустриализации, 44% - второго выпуска и 42% облигаций укрепления крестьянского хозяйства.

Пролетарское государство брало заём вовсе не для того, чтобы его возвращать. Истинные намерения про-

сматривались уже в технологии размещения. Зачем принуждать к подписке, если долг думаешь возвращать без обмана? Обе стороны хорошо понимали друг друга. Только государство лицемерило до самых шестидесятых, когда Хрущёв откровенно отказался от обязательств по госзаймам.

Мужик сразу и откровенно пытался сбыть сомнительной ценности бумаги, а разуверившись в такой возможности, обклеивал ими по старинной привычке внутренние стенки комодов или полированного гробища цоколи обкомов партии и монументов. Всучив соотечественнику взамен денег госзнаковский квиток, Советская власть всю мудрость направляла на борьбу за удержание облигаций на руках населения. Здесь напрашивалось два выхода.

Первый - постоянно размещать новые займы, превратив кампанию в постоянно работающий денежный насос. Однако задержка в обороте и погашении облигаций прежних выпусков подрывает доверие к новым займам. Доверия, точнее сказать, вообще не было. Труднее будет принудить к подписке. В документах финансовых органов тех лет полно жалоб на растущее сопротивление населения новым потокам облигаций.

Нашли соломоново решение. В 1930 году была открыта подписка на заём "Пятилетка - в четыре года", часть облигаций которого обменивалась на облигации более ранних займов индустриализации. Сделаю полезное ударение - очень незначительная часть, основная масса облигаций шла за живые деньги. Таким образом, новый заём одновременно существенно расширял государственные долги и, хотя бы формально, подтверждал дееспособность ранее приобретённой бумаги.

Второй выход - ослабить стремление крестьян расстаться с государственными обязательствами. Для этого требовалась большая работа на местах. При сельских Советах создали так называемые комиссии содействия займу. Замаскированные под общественные организации, комиссии строго блюли государственный интерес. В полномочия таковых поставили

контроль за движением облигаций, понимайте - контроль за их сбрасыванием. Отныне сдача облигаций стала возможной только с разрешения деревенской "общественности". Оставалось придать деятельности комиссий "классовый" характер.

Ограничение ликвидности, то есть обмениваемости облигаций в такой блестящей идеологической упаковке, было только началом. В дальнейшем нашли более соответствующее обстановке коллективное хранение облигаций в банке, сберкассе и кредитных учреждениях. В газетах популярными стали плакаты, изображающие чешущего затылок мужика и плачущую бабу над взломанным семейным сундуком. Стоящий тут же серьёзный финработник настоятельно советовал, уберегая от подобной драмы, хранить деньги и облигации в сберкассе.

Печать обеспечивала устойчивый моральный климат, выдавая за проявление буржуазного индивидуализма любое стремление обеспечить сохранность облигаций самостоятельно. Бумаги отделили от их владельца ещё одной степенью защиты.

К данному историческому пассажиру способен самостоятельно добраться опытный следопыт, умеющий читать петли советской идеологической лжи. В академическом издании "Истории социалистической экономики СССР" с пафосом утверждается, что с 1926 по 1932 год число вкладчиков в сберкассах страны возросло в 20, а сумма вкладов - в 15 раз! Основой роста видится увеличение доходов населения и "глубочайшая заинтересованность трудящихся в обеспечении социалистической индустриализации финансовыми ресурсами..."²⁵

С голоду детишки и жена на печи мёрли, так надо понимать, а отцы-пролетарии с просветлёнными рожами несли деньги на Магнитку. За столь безудержную ложь, если язык не отсохнет, давали член-коров, а то и академиков.

Никто тогда в сберкассы не ломился. Под "глубочайшим" страхом мужиков заставили подписаться на заём, затем отобрали облигации и спрятали в сейфы, выдав взамен нехотелую расписку. Чтобы и думать не

мог о пакостном. Отсюда бешеный рост вкладчиков и их "сбережений".

Наткнувшись на привередливых членов комиссий и финработников, мужики стали растекаться по местности. Враз где-то в глубинке в комиссии содействия сидят лопухи. Но высокий государственный ум предусмотрел возможную уловку. В директиве Уралфинотдела от 24 марта 1930 года разъясняется, что "выдача разрешений на продажу или залог облигаций предоставляется лишь тем комиссиям, которые хорошо знают займодержателя... Следует иметь в виду, что злостные сбросчики облигаций и спекулянты не останавливаются перед переездом с места на место для сброски облигаций, если в этом отношении будут какие-либо послабления".²⁶

Какие тут послабления? Земляк сначала остался без денег, потом без облигаций и, в конце концов, стал злоумышленником. Он уповал теперь не на милость государства, а на халатность местной бюрократии, пытаясь по случаю или обманом вернуть хоть часть отобранного взаймы.

Многочисленные последующие займы и кампании катились торным путём. В тридцатом объявили новый заём - "Пятилетка - в четыре года", а позднее и заём тракторизации. Исключительно для крестьян открыли подписку на будущие тракторы. При непременно условии - деньги вперёд! Лозунг оставался прежним - ни двора без облигаций.

Чтобы мужики-кредиторы не ссылались на отсутствие наличности, ввели общепонятный натуральный норматив подписки. Два пуда зерна с десятины. Раньше бы держал кур-гусей, а теперь расписочку на божнице. Облигации следовало сдать в сберкассу на срок не менее трёх лет. Советский народ, соврать бы тут академически, проявил огро-о-мный интерес к долгосрочным вкладам.

Чуть позднее, в пору гона на вредителей, подписку стали проводить на собраниях, дабы жмот и скрытая контра зело видны были. Подписывались под зарплату и будущие трудовни. Отписанное родной Советской власти забиралось сполна и в порядке пер-

воочередных платежей. Когда в конце тридцатых пошли "Займы укрепления обороны СССР", всю подписную суету засекретили. Не надо было ничего спрашивать, на дворе трещал большой террор. Пришёл, расписался за зарплату и ушёл. Остальное всё секретно. Брякнешь по пьяни соседу о сумме подписки, а тот, по совместительству японский шпион, шутя вычислит огневую мощь Красной Армии.

В заключение вопроса о финансовом давлении на моих земляков несколько разносюжетных повестей о событиях, оживляющих провинциальную жизнь в беспредметно-серый период советской истории.

Мы уже говорили, что все финансовые мероприятия государства преследовали одну цель - принудить крестьянство к массовой продаже хлеба по низким ценам. Взять на содержание отечественный социализм и его политический авангард. Заставить наголодавшегося досыта мужика расстаться с хлебом можно было только одним нормальным путём - купить на обеспеченные товарами деньги. Стабилизация рынка и денег могли снять психологический барьер деревенского страха перед голодом.

Наоборот, налогово-репрессивные опыты государства заметно усиливали неуверенность в хозяйственной ситуации. К страху голода добавился страх перед властями. Предчувствия и весёлая лютость поборов подсказывали земляку, что грядут смутные времена. Поэтому он не впадал в казённые очарования, а больше надеялся на то, что лежит в амбаре.

Из округов Урала сообщали: налоговые меры воздействия малоэффективны. Про облигации совсем молчать надо. Они лишь усугубляют озлобленность сельского населения, которая находит классически русское проявление. "Самообложение и другие виды платежей, - говорится в отчёте Челябинского окружка ВКП(б), - в настоящее время стимулами для выброски хлеба не являются. Так, в Пивкинском сельском Совете за 18 февраля 1929 года поступило самообложения 1300 рублей, от продажи водки - 1200 рублей, от продажи продовольственных товаров - 400 рублей. Хлеба за этот день не сдали ни фунта".²⁷

Пусть читателя не смущает страшный перекося в дневном бюджете пивкинских хлеборобов. Подавляющая доля затрат на спиртное вызвана не аномалией их потребностей, а традиционной, сохранившейся поныне структурой товарных запасов в сельских магазинах Урала.

Мы много пьём, во-первых, потому, что сивуха - единственный продукт, доступный нашему заработку. Своей выносливостью мы перекроем любую голодуху. Но духовный императив нации, заданный князем Владимиром тысячу лет назад - при выборе религии, связывает нас в кучу до дней нынешних. Патриотизм жидеет до теоретического пустозвона, если не на что и не с кем выпить.

В нашей истории водка, во-вторых, всегда была не только заметной статьёй государственных доходов, но и профилактическим средством, удачно переводящим опасные социальные антагонизмы в политически спокойную форму пьяного куража. А само пьянство - общепризнанным показателем народного благосостояния, исключаящим опасные рецидивы буржуазного потребительства.

Налоговую удавку не ослабили ничуть, даже в тот момент, когда хлебозаготовительная кампания приняла самые крутые и отвратительные формы. Хлеб выгребали начисто, но деревню упорно загоняли в долги. В течение двух лет она обросла пугающими суммами недоимок по многим статьям государственных взиманий.

Газета "Красный Курган" 14 февраля 1930 года в статье "Недоимки растут" без драматизма сообщала, что в моём родном Половинском районе "не собрано 7,2 тыс. рублей сельхозналога, 16,2 тыс. рублей страховки, 52 тыс. рублей по третьему займу индустриализации, 80 тыс. рублей по второму, 12,9 тыс. рублей за землеустройство, 9,4 тыс. рублей по первому самообложению..."²⁸ В нынешних рублях долг кажется смешным. Если считать по товарному паритету (мука пшеничная), выйдет по двадцать долларов долга с каждой живой души. Со всего района будет где-то около полмиллиона. Да подавитесь, лишь бы не было войны.

На носу были свежий заём "Пятилетка в четыре года", заём тракторизации, повышенный сельхозналог и другие мероприятия, гарантирующие вечную финансовую несостоятельность половинцев. Упомянутая газета спокойно относит к недоимкам и суммы займа.

Политика вседозволенности в отношении крестьянства подняла на местах активное штрафотворчество. Уполномоченным разъясилось, что "суммы, принятые по самообложению, взыскиваются в бесспорном порядке продаж имуществ в размере принятой с каждого гражданина суммы обложения". Чтобы ускорить взыскание - к досрочному погашению долгов призывал товарищ Сталин, - уполномоченные прибегли к наложению штрафов на крестьян, задерживающихся с уплатой налога. Зачастую сумма штрафа значительно превышала оставшуюся часть налога. Крестьянин попадал в долговой круг. Не успев уплатить налог, он попадал под новый штраф. Взыскания по штрафу тоже имели временные границы. Много недоимок - много штрафов.

Многообещающая инициатива была, однако, признана незаконной. Но кто мог контролировать соблюдение законности, особенно теми, кто был наделён чрезвычайными полномочиями, то есть поставлен над законом. Партийное руководство Курганского округа требовало: "Составьте списки недоимщиков, произведите принудительное взыскание путём описи, изъятия и продажи имущества... Независимо от описи и продажи имущества злостных неплательщиков сельхозналога (мощные хозяйства) привлекайте к судебной ответственности".²⁹ Штрафы, описи имущества и скорые торги нашли распространение уже в 1928 году. На нищенство или голод отправляли решительно и большевистски безучастно.

Конфискованное продавали практически за бесценок сами экспроприаторы. Отчётные суммы ни в коей мере не отражают масштабов награбленного. Новоявленные низовые активисты щеголяли в обновках, приобретённых по удачному политическому случаю. Ташили домой смехотворно уценённые швейные машины, сепараторы, инструменты, ткани. Кое-где

уже справляли новоселье. Щедрая на чужое, Советская власть одаривала деревенскую бедноту, растравливая в ней классовый азарт.

Нельзя сказать, что курганским партийцам была свойственна особенная озлобленность. Соседи тоже не отличались сердобольностью. В Ишимском, к примеру, округе только за полгода намолотили с меньшего населения 52 тыс. рублей штрафа и на 58,5 тыс. рублей конфискованного имущества. А по числу осуждённых у них показатели круче.³⁰ В Челябинском округе всё было как-то цивилизованней и мягче, но без оппортунистических послаблений.

Нынешнего читателя могут удивить низкие суммы взысканий. В современной рыночной России привычнее многомиллиардные обороты космической невесомости рублей. Что за деньги 100 тысяч? Копейки. Именно психология государственного подхода породила отупляющее восприятие трудового рубля. Плохо, когда подавляющая часть национального оборота складывается из потерявших хозяина денег. Ещё хуже, когда в обращение бросаются колоссальные массы бумажных денег, единственным эквивалентом которых являются затраты на их полиграфию.

Рубль конца двадцатых был преимущественно трудовым, а значит и более обеспеченным. Экономическая теория и практика стояли на полпути к гениальной догадке, что обирать население можно без утомительных репрессий, а исключительно с помощью чётко налаженной трёхсменной работы предприятий Госзнака.

Чтобы финансовые величины тех лет стали чувственно воспринимаемы, сравним покупательные возможности рубля во времени по самой необходимой и болезненной для нас товарной группе - продовольствию. До начала политических экспериментов государства, т.е. в 1925 - 1926 годах, на свободных крестьянских рынках Зауралья на один рубль можно было купить по выбору: 20 кг зерна, 3 кг говядины, 16 кг мяса птицы, 2-3 кг животного масла, 50 штук яиц. Это, так сказать, исходный базис, с которого мы рванулись в будущее. Читателю остаётся переводить руб-

лёвые номиналы недоимок и штрафов в доллары, используя ушибающую современный интеллект, но реальную пропорцию - 1 к 10-15!³¹

Не хочу идеализировать или ерничать. Констатирую лишь достаток продуктов и официально зарегистрированные цены. Конечно, вывозимые на рынок продукты покупали не все. Оставалось, как говорила моя мама, заработать готовые денежки. Но ведь трудовой эквивалент потребления и составляет твёрдую экономическую основу общественной справедливости.

Обратной стороной высокой обеспеченности нэповского рубля является низкий уровень розничных цен, исключаящий у крестьянства появление лёгких денег. Каждый рубль, принесённый с рынка, был оплачен соответствующей массой продуктов собственного труда. Поэтому низкие по современным понятиям суммы штрафов и взысканий на деле оборачивались заметным ущербом для крестьянского двора.

Что значило подписаться на сторублёвую облигацию? Продать корову или сто пятьдесят пудов хлеба. На пятидесятирублёвую облигацию не хватит и годовалого телёнка. А штрафы? В одном районе Челябинского округа за взаимную драку в семье нарсуд приговорил отца и двух сыновей к штрафу в 1600 рублей. Чтобы её погасить, надо было продать 32 тонны хлеба либо 6 тонн мяса. По порочным наклонностям били экономически смертельно. Тот приговор был приведён в исполнение немедленно, проданное имущество дало только 300 рублей.

Секретарь Курганского окружкома ВКП(б) Головин обратился в феврале 1928 года к областному прокурору с просьбой: "ввиду предстоящих религиозных праздников (Масленица), сопровождающихся обычно пьянством и хулиганством, усилить репрессии по отношению к хулиганам путём предоставления райисполкомам права налагать штраф до 50 рублей".³² Заманчивая идея экономически помирить курганских мужиков не нашла, однако, понимания. Автору объяснили, что "изменение существующего порядка привлечения к ответственности и увеличения штрафа возможно лишь в законодательном порядке централь-

ной властью". Жаль. И ведь просили о немногом. Тем более, что в Ишимском и Тюменском округах это творили и без разрешения сверху.

Чтобы взаимосвязь рыночных цен, налогов и заработной платы стала яснее, посмотрим на уровень личных доходов различных категорий населения по округам Большого Урала. В конце двадцатых сельский врач, к примеру, получал 100 рублей в месяц, агроном - 90, служащие госучреждений - 70-80, рабочие заводов - 50-60 рублей в месяц.³³ Напомню ещё раз, что уровень доходов сложился исходя из региональной производительности и рыночного равновесия.

Годовая валовая продукция единоличного двора в годы позднего НЭПа приближалась к 400 рублям (сельскохозяйственные округа Урала). Чистый денежный доход с учётом приработка на стороне составлял около 100 рублей в год. Значительная его часть расходовалась на товары личного пользования. Не следует забывать про доход в натуральной форме, крестьянская семья полностью кормила себя и по возможности расширяла хозяйство.

В "Истории народного хозяйства Урала" (1928 год) средняя доходность крестьянского двора определена в 760 рублей. Теоретически эта цифра (если под доходностью понимать валовую продукцию) сильнее приведённой абзацем выше. Действительно, в валовой продукт надо включать рыночную стоимость семян, амортизацию, плату за собственный труд. В обыденном сознании все эти факторы выглядят своими, то есть без денежных трат. Потому реально расчёты проводились через денежную оценку конечного годового производства.

На основе профессионально проведённого уральскими хозяйственными органами анализа конечных доходов населения был даже спроектирован необходимый фонд потребительских товаров. Их импорт из центральной России мог быть закрыт поставками уральского зерна, масла и других видов сельхозпродукции. Неоднократно планировалось и испрашивалось разрешение использовать часть доходов для капвложений в местную промышленность.

Благие намерения уральских экономистов и их аналитическая суета были признаны голым экономизмом, с которым мирового капитализма не перегонишь, и оппортунистическим местничеством. Для государственных денег, объяснили в столице, есть более высокое и стратегически важное применение.

Не обошли партийным вниманием начинающую оперяться кооперацию. Кооперирование закупок, первичной обработки и сбыта сельхозпродукции, кредитного обслуживания крестьян на Урале удивляло весь экономически образованный мир. Создавались условия для подъёма единоличного хозяйства и постепенной его интеграции в национальный рынок.

По авторитету кооперации ударили обухом. В распоряжении Уральского облпотребсоюза от 18 января 1928 года читаем знакомые слова: "Необходимо принять все меры к выкачке денежных излишков от населения". Речь, думаете, идёт об улучшении торгового обслуживания деревенщины? Нет. О товарных потоках меньше всего заботы. Распоряжение повторяет дословно часть директивы Уралобкома ВКП(б), творчески развивая её в свою сторону. Делалось это не по желанию пайщиков, чего требовал Устав, а исключительно в угоду партии. Партийная прослойка среди пайщиков была толщиной в молекулу, но подавляющей в аппарате облпотребсоюза.

Дальше-больше. Сначала установили повышенный паевой взнос, лицемерно мотивируя сие заботой о её материальной базе. Населению Урала шутка обошлась в три миллиона рублей. Секретари окружкомов жаловались в Уралобком ВКП(б) Швернику, что народ побежал из кооперации. В подтверждение опасений цитировалось обращение крестьян. "Наша кооперация мощная и в денежных средствах не нуждается... Мы думаем, что хозяевами кооперации являемся мы, если же меры проводятся насильно и нас не признают хозяевами, то мы считаем правильное выйти из такой кооперации..."³⁴

Партийное руководство облпотребсоюза развеяло демократические иллюзии кооператоров, предписав низовому аппарату "принять все зависящие меры к

тому, чтобы предназначенная в премию на забор часть прибыли потреббществ оставить в кассе последних... Отменить, где приняты, решения о распределении прибыли". Партия проводит генеральную политику обезденежья, а тут сорят деньгами! Дивиденды, полученные пайщиками, немедленно изъяли.

Дело не ограничилось замораживанием прибыли. Отныне вся деятельность кооперации попала под диктат партии. Нашли узду на крестьян, задумавших выходить из союза. Выходите, было им сказано решительно, но без выплат индивидуального пая. И впредь в магазины советской кооперации - ни шагу. Из торгового объединения уральская кооперация превращалась в государственное торгово-политическое предприятие, направляющее товарные потоки в русло партийных кампаний.

Знакомство с основной коллизией тех лет начнём с первоисточников. "За последнее время, - отмечается в резолюции пленума ЦК ЦКК ВКП(б), состоявшегося в октябре 1927 года, нужно констатировать значительное усиление плано-регулирующей роли пролетарского государства на сельское хозяйство и рост влияния социалистических элементов в самой деревне... В области сбыта сельскохозяйственной продукции государственные органы и кооперация заняли решающее, в ряде важнейших отраслей сбыта (хлеб, хлопок, сахарная свекла и т.д.) - господствующее, почти монопольное положение"³⁵

Ближайшим следствием "плано-регулирующей роли пролетарского государства" - её основным и тайным моментом было снижение закупочных цен на хлеб, привычно закамуфлированное под стабилизацию цен, - стал продовольственный кризис. Крестьяне отказались продавать урожай двадцать седьмого года по предписанным ценам. Причём сразу и по всей стране.

Земляки сделали то же самое, но не из солидарности, а по чисто экономическим соображениям. Как ветром сдуло вчерашнее благополучие со снабжением промышленных городов хлебом. Возникли очереди и всё то, что связано с дефицитом основного продовольственного товара. Резко дёрнулись вверх цены по

всем товарным группам свободного рынка. Горели обязательства по экспорту зерновых культур. Судороги хлебного кризиса пробежали по экономике страны.

Припадём к живительным первоисточникам истины ещё раз. В директиве Сталина от 6 января 1928 года и материалах апрельского пленума того же года вскрыты причины переполоха. Партия нашла единственно верное решение - виновата сама деревня! "В основе этих трудностей, - записано в резолюции пленума, - лежало резкое нарушение рыночного равновесия, причём обострение диспропорций в рыночных отношениях (платежеспособный деревенский спрос, с одной стороны, предложение промышленных товаров - с другой) объясняется повышением доходности деревни, в особенности её зажиточных и кулацких слоёв". Зажирела, более понятно, российская деревня и показала хвост социалистическому городу.

"Растёт и богатеет деревня..." Способности вождя к эпически возвышенной фразе оценил весь мир. Эта, открывающая анализ причин кризиса, не сулила крестьянству ничего хорошего. Подозрительную доходность деревни Сталин объяснил целым ворохом обстоятельств: высоким уровнем цен на технические культуры и продукцию животноводства, недостаточностью налогообложения сельхозпроизводства и отхожих промыслов, низкой обеспеченностью рубля промтоварами, слабой постановкой партийной и советской работы на местах, неблагоприятным сочетанием нескольких урожайных лет. Без партийной узды деревня упрямо забирает в капитализм.

Тактический вывод был прост. У крестьянства есть денежные излишки, они вредят хлебозаготовкам и тормозят социалистическое переустройство страны. На Урале, например, по данным конъюнктурного обзора на осень двадцать седьмого, лишних деревенских денег выявлено около 20 миллионов рублей. Сумма, удачно дополняющая природные богатства региона.

Уральские большевики приступили к промыслу. На полях ещё кипела страда, а Курганский окружком ВКП(б) и окрисполком в совместной директиве от 8 октября 1927 года с тревогой констатировали, что

“ход хлебозаготовок совершенно не обеспечивает бесперебойное плановое снабжение продовольствием рабочих, основных потребляющих промышленных районов области и выполнения обязательных нарядов центра”. Указывалось, что побудительными мотивами продажи хлеба являются усиление снабжения деревни промышленными товарами крестьянского потребления, а также платежи государству со стороны деревни.

С тоской сообщалось, что “заметного улучшения снабжения деревни промышленными товарами в ближайшее время ожидать нельзя”. Оставались платежи. Вот тут было всё ясно. “Изменение сроков платежей, - отмечено в директиве, - недопустимо по политическим соображениям”.³⁶ Эти соображения вытекали из общей концепции социалистического строительства, покоящейся на обложении российского крестьянства грабительской контрибуцией.

Уральской области планировалось заготовить в 1927-28 хозяйственном году 41 млн. пудов всех зерновых культур. На начало 1928 года было заготовлено только 30% к плановой величине. В переписке областных партийных и советских органов с центром не просматривалось какой-то тревоги. Они заверяли, что планы хлебозаготовок вполне выполнимы и требуют не чрезвычайных мер, а ответных поставок в деревню. Экономически обоснованно разрабатывались заявки на эквивалентную заготовкам массу промышленных товаров, планировалось расширение их производства в области.

В центре на действительность смотрели революционное. Периферии рекомендовали не озиаться на товарные поставки, а действовать по-большевистски. Уралу обещали отгрузить мануфактуру и кое-что по мелочи. Недостающее компенсировали строгостью секретных директив. Сталинская угроза заменить всех в случае срыва хлебозаготовок возымела действие. В низовые инстанции веером полетели озадачивающие бумаги. Ознакомимся с одной из наиболее типичных. Итак, директива Шадринского окружкома ВКП(б), оформленная в виде личного обращения.

“Дорогие товарищи! 10 минут назад я получил персональную телеграмму от Сталина, в которой чрезвычайно резко ставится вопрос о необходимости усиления хлебозаготовок...” Из преамбулы возьмём только эту интригующую часть и перейдём к практическим задачам.

“Первое. Решительно нажать на сбор сельхозналога, недоимок всякого рода... Крепких неплательщиков (середняков тоже) немедленно привлекать к платежам принудительными мерами. Суды и следственные аппараты должны такие дела готовить и рассматривать в течение одних суток. Ни часа больше. Заставьте работать председателей сельсоветов по-революционному. В этом основа. Не стесняйтесь одного-двух за нерадивость отдать под суд, отстранить от должности.

Второе. Полностью реализуйте декрет правительства о борьбе с самогонварением... Используйте для этого “сезон” (рождественские праздники, Крещение и т.д.). Из этого дела путём штрафной политики создавайте стимул для реализации хлебозапасов...

Третье. Обеспечьте получение недостающих товаров в первую очередь сдатчикам хлеба. Если есть случаи брони кооператорами недостающих товаров за пайщиками или отпуск товаров только пайщикам, - немедленно таких кооператоров шельмуйте, не оставляйтесь, если они не желают подчиняться, перед снятием и даже арестом...

Шестое. Гоните райактив в деревни, и пусть они там не ревизуют, а обязательно организуют работу до тех пор, пока в ней не будет решительного сдвига. В этих целях мы задерживаем у вас своих работников. Используйте их на 100%. С частниками не церемоньтесь. Крупных из них не стесняйтесь посадить, только своевременно предупреждайте ГПУ.

Не забывайте сразу закрывать рот тем работникам, кто намекает на необходимость повышения хлебных цен. Не допускайте никакой паники, но во всей работе докажите, что у нас есть власть и есть партия. Помните, что на ближайший период хлебозаготовка есть важнейшая революционная работа партии. По ней будут судить о нас, по ней и оценят.

С коммунистическим приветом! Отв.секретарь ОК ВКП(б) Новиков".³⁷

Основная задача разгона заготовок легла на уполномоченных. Только из областного центра по линии Уралобкома были выброшены на периферию, где оставались до конца кампании, 60 человек. К этому следует добавить около двух сотен агрокомиссаров от других областных организаций. Окружками Уральской области в районы было направлено более 600 активистов, призванных всеми силами споспешествовать хлебозаготовкам.

Каждый из окружных уполномоченных просидел в районах в среднем по четыре месяца. Отсюда озлобленность к работе и подшефным. "Поставлен на ноги и брошен в сёла весь партактив, - цитирую один из боевых отчётов, - систематически прорабатывались контрольные цифры и отдельные вопросы заготовок". Гвардия райуполномоченных исчисляется большими тысячами. Точного числа не знают даже архивы. Организационный ажиотаж мог бы вызвать умиление, не знай мы его действительных истоков. Не ранее как год назад хлеб свободно продавался без уполномоченных.

Итак, уполномоченный приехал на село. Смешно было бы говорить о его душевном комфорте или революционном энтузиазме. Каждый осознавал, что вернуться домой он может только в единственном случае, - выполнив план хлебозаготовок и денежного оброка. Любой другой расклад грозил судом. Простая эта истина определяла отношение агрокомиссара к деревне, которой он был совсем чужд. Жить длительное время в агрессивно настроенной среде и понимать свою зависимость от деревни - это ли не личная драма мобилизованных. Естественно, что в каждом крестьянине, берегущем свой хлеб от постороннего интереса, они видели косвенного виновника ссылки. Чем больше хлеба, тем больше неприязнь.

Что мог сделать уполномоченный практически? С формальной стороны многое. Созвать пленум сельсовета, собрание партакчейки. Организовать, наконец, комиссию содействия заготовкам, включив в неё голодный деревенский сухостой. В некоторых районах

сёла разбили на участки, которые закрепили за членами сельсоветов. Вся эта суеда вряд ли бы оказала влияние на мужика, не будь внешнего принуждения. И оно последовало.

Первой включилась в заготовки кооперация. Ей предписали все товары сколь-нибудь активного спроса отпускать только сдатчикам зерна, вне зависимости от членства в кооперации. Под строгий партийный контроль попали основные товарные потоки. Ситуация всё же не могла перерасти в натуральный продуктообмен хлеба на товары, хотя таковой был бы выгоден деревне. Промтоварные запасы не покрывали планового объёма заготовок. Поэтому продажа дефицитных вещей осталась только на уровне частичного товарного стимулирования.

В двадцать восьмом история глобального советского дефицита только начиналась, что заставило действовать примитивно и прямолинейно. Сдал хлеба на сто рублей, имеешь право купить ходовых товаров на пятьдесят, а мануфактуры и вовсе на тридцать пять. И только в той лавке, куда сдавал хлеб.

Товарное стимулирование, весьма ограниченное, оказалось эффективнее горячего партийного слова. Правда, оно повлекло за собой дальнейшее обесценивание денег, но заготовки заметно оживились.

В январе Сталин телеграммно предупредил места, что "в ряде районов хлебозаготовки принимают характер обмена товаров на хлеб, причём советские и хозяйственные органы берут на себя обязательство оплачивать хлеб полностью или значительной частью промтоварами". Вдогонку ЦК ВКП(б) строго указал на "недопустимость установления непосредственного товарообмена хлеба на промтовары, так как такой порядок влечёт за собой расстройство товарооборота между городом и деревней, затруднение заготовок других сельскохозяйственных товаров и расстройство денежного обращения".³⁸

В последней части телеграммы экономические обстоятельства явно передёрнуты. Опасения властей вызывает вовсе не расстройство отношений между городом и деревней, а их возвращение через нату-

ральный продуктообмен к эквивалентной основе. Государству выгоднее платить за хлеб товарно не обеспеченными денежными купюрами, последние, в крайнем случае, можно перегнуть в безопасную форму облигаций. К тому времени пролетарское государство уже входило в мысль, что весь деревенский продукт можно купить на корню свежемиссированными деньгами.

Упоминаемая выше директива санкционирует широкое распространение запродажи товаров под хлеб. "ЦК считает возможным, - цитирую экономический шедевр, - приём кооперацией от крестьян подписки на промтовары с получением от них при этом авансов, каковые могут вноситься в тех районах, где ход хлеба заготовок неудовлетворительный, а количество свободных денег у крестьянства достаточно велико, хлебом.

Однако объём такой запродажи промтоваров не должен превышать тех норм завоза, которые предусматриваются и обеспечиваются планом. При приёме подписки на промтовары преимущество должно отдаваться крестьянам, продающим хлеб, независимо от того, состоят они пайщиками каких-либо видов кооперации или нет".³⁹

Массовая подписка на промтовары под хлеб мгновенно подорвала скудные товарные ресурсы кооперации. Практически основная их часть шла либо в прямой обмен на хлеб с выдачей разницы пустыми деньгами, либо в оплату обязательств по подписке, так как хлеб был сдан ранее. Часть товаров резервировалась для поощрения активных сдатчиков. В 1928 году в уральской деревне 80-90% необходимых товаров (мануфактура, керосин, обувь и т.д.) не попадало в свободную продажу на деньги.

Дефицит товаров грозил опрокинуть заготовки. "Раз Советская власть, - говорили крестьяне, - продаёт мануфактуру не за деньги, то значит деньги потеряли ценность". Освоив практикой экономическую истину, что продавать в кооперацию хлеб не стоит, они обращали взор надежды на свободный рынок городов.

А там ситуация складывалась так. Хлеба становилось меньше, а цены, естественно, росли. "За последние дни в Кургане, - сообщалось в сводке ОГПУ, - в магазинах рабкоопа создаются громадные очереди, пайщики стараются запастись муку".⁴⁰ Подобное творилось во всех городских поселениях Урала. Ничего политически подозрительного не было. Все чувствовали, к чему идёт дело. Власти нахрапом запретили сортовой размол муки, полагая, что в реконструктивные времена не до излишеств. Города надо-о-о-лго посадили на всеоюзно серый хлеб.

Бросив возможное к продаже в сани или телегу, мужики обозами потянулись в Свердловск, Тюмень, Челябинск, Курган и даже в Кирккрай, как тогда называли северные районы Казахстана. Там они надеялись продать хлеб и сразу отоварить доходы.

Милицейскими кордонами стала на их пути власть. Многие окружкомы Уральской области приняли решения о запрете на вывоз хлеба, чтобы не сорвать заготовки. Надо сказать, что такие запреты не очень нравились области. Внутриуральское движение продовольствия ещё было необходимо. Городские рынки оставались главным средством продовольственного обеспечения. Сокращение частного рынка потребовало бы соответствующего расширения государственной и кооперативной торговли. Учтём и то обстоятельство, что снабжение промышленных городов и потоки продовольствия складывались десятилетиями.

И всё же местные власти старались пресечь экспортные намерения мужиков. "С целью мер против распространения вредителей зерна, - записано в директиве одного из окружкомов Урала, - воспретить вывоз за пределы округа зерна по грунтовым дорогам без сертификатов".⁴¹ Сертификат - свидетельство о качестве. Каждый пришедший за таковым дешифрует, разумеется, свои намерения и представляет особый интерес для уполномоченного по заготовкам.

И про грунтовые дороги не сдуру сказано. На большой дороге можно проверить каждого въезжающего в город. Но хлебные обозы контрабандно проби-

рались лесными просёлками, разжигая охотничий азарт у милиции и дотошных активистов. Поэтому сам факт обнаружения обоза принимался за криминал. Был бы факт, а конфисковать и сварганить следственное дело - пустяк.

Излагаемые события двадцать восьмого в конечном счёте привели к принудительной натурализации крестьянского хозяйства. Мужик выпал из рыночного оборота и попал в оборот Советской власти. Его загнали в собственный двор, предоставили ему возможность сдать зерно на государственных условиях, либо, если не одумается, превратиться в "злого зажимщика хлеба". Под популярную в то время политическую кличку угодливые правоведа торопливо подыскивали хорошую статью. В газетах замелькали карикатуры, изображающие отвратительного типа, восседающего на мешках.

Кстати, о нашей печати. Сторонник большевистской версии колхозного движения спросит про энтузиазм, с которым крестьянство сдавало хлеб родной Советской власти, о красных обозах и многом другом, что восторгает при чтении прессы переломных лет. Много было, были и обозы, только их в деревне называли чёрными.

Архивы сухо свидетельствуют - и власть уважали. Заготовитель из Верх-Течи Шадринского округа Курбатов, вызывая мужиков на допрос, угрожал: "Давай хлеб, а то зубы выбью!" И выбивал, крепкий был, сатана. Возмущённые мордобоем крестьяне жаловались. Если, мол, такие директивы даны заготовителю Советским правительством, то ладно. Но если правит хари по собственной инициативе, сообщите немедленно прокурору.

Не могу понять, национальное это или советское, но любовь к близкому человеку у нас всегда покоится на жалости, а к государству - на трусости. Массового энтузиазма архивные документы совершенно не отметили. Его не было и в жизни, судя хотя бы по радости, с которой сообщалось о каждом вымолоченном из мужика пуде.

Своим превращением в энтузиасты деревенские обязаны обычному подлогу. Вместо сущего в историю подложили должное. А газетным звоном дирижировал тогда секретарь ЦК ВКП(б) Молотов. Секретной директивой от 15 января 1928 года редакторам всех газет Союза предписывалось:

"- Организовать в печати длительную кампанию по хлебозаготовкам, сосредоточив внимание на решительной и систематической критике недостатков, особенно на отдельных фактах о недочётах в работе учреждений и лиц, виновных в халатности, торможении и срыве хлебозаготовок.

- Не подчёркивать на страницах газет связь переброски промтоваров в деревню с усилением хлебозаготовок...

- Немедленно организовать во всех газетах кампанию за новый 100-миллионный заём. Широко освещать крестьянство о выгодах займа для каждого его держателя, использовать стенгазеты и селькоров, организуя через них массовые выступления на сходах, соревнования между сёлами.

- В целях осторожного освещения состояния рынка не допускать в печати обсуждения вопроса о повышении цен.

- Воздержаться от опубликования сведений о ходе заготовок по союзным республикам и областям при наличии отрицательных явлений в ходе заготовок.

- При освещении видов на урожай в 1928 году ни в коем случае нельзя помещать заметок тревожного характера относительно предстоящего урожая во всём Союзе или в отдельных республиках, областях".⁴²

Отутюженный советский китель, засохший кленовым листом в учебниках отечественной истории, клонит к ностальгии. Зовёт в розовую революционную юность. Туда, где сознательные и похожие на актёра Лапикова мужики добровольно сдают хлеб пролетарской власти. Заглянем в розовую даль вместе.

Товарное поощрение заготовок было недолгим и носило декоративный характер. На него особенно-то и не рассчитывали. С первых минут двадцать восьмого партия больше полагалась на судебно-репрессивные

меры. В конце января Уралобком ВКП(б) навёл право-защитные органы на мысль - применить в судебной практике статью 107 УК РСФСР по отношению к "злостным зажимщикам хлеба".

Облпрокуратура и облсуд супряжку поддержали большевиков и мигом предписали "за задержание (невывпуск) запасов хлеба, имеющегося в отдельных кулацких хозяйствах, предавать суду, квалифицируя преступление по статье 107 УК РСФСР... Строжайшее требование, предъявляемое в отношении производства, - быстрота. Сроки движения дел должны исчисляться буквально днями. Приговор приводить в исполнение немедленно".⁴³

Переход к судебным репрессиям не требовал нудных демократических процедур, промтоваров или, на худой конец, облигаций. Достаточно политически зрелого судьи. Крестьянство прямо просилось в ответки. Статью, соответствующую политической обстановке, успели отредактировать. Эпическая её часть изложена выше, в директиве облсуда. Скажу лишь о расценках. За сокрытие своего хлеба по единомыслию полагался год лишения свободы с конфискацией имущества. Преступный сговор, независимо от числа подельщиков, удлинял срок заключения ровно в три раза.

Партия постоянно тыкала шилом в прокурорские и судейские штаны. "Работа нарсудов продолжает до сих пор оставаться явно неудовлетворительной, - злился Челябинский окружком, - и неограждающей советские законы". Для защиты законов найдено полезным:

"- Дела рассматривать в день поступления....

- Выдавать исполнительные листы милиции и судебным исполнителям, не дожидаясь кассационного обжалования...

- Репрессии должны быть усилены, как общее правило, до предельных размеров, установленных Уголовным Кодексом...

- При производстве взысканий и платежей последние преимущественно должны ограничиваться натурой - зерном".⁴⁴

Так вот где собака зарыта! Советская жизнь конца двадцатых забита парадоксами, граничащими отнюдь не с гениальностью. Безопасность советских законов гарантирована, оказывается, лишь в том случае, когда до предельных размеров усилены репрессии против граждан, честь, достоинство и имущество которых они призваны защищать.

Политизация судебного-правового аппарата есть естественный продукт советского строя. В самом деле, земля находилась у крестьянина в бесплатном пользовании. Хозяйство строилось в большинстве на собственном труде. Использование наёмных работников допускалось законодательством. Эти условия, заключал ещё два века назад английский экономист и философ Джон Локк, делают собственность на продукт абсолютной и справедливой.

С точки зрения кавалерийской экономии, преступным признали естественное намерение деревенщины продать выгодно продукты своего труда. Органическое единство экономики и политики освобождало право от оков формальной логики и здравого смысла. Делало его простонародно понятным и силову крепким. Чтобы качнуться от ветреной статьи 107-й, карающей каким-то годом, до солидной, гарантирующей концлагерь 58-й, достаточно было выразить недовольство происходящим.

Толково по этому поводу сказал начальник Шадринского окружного отдела ГПУ Мовшензон: "Если не применять статью 107-ю, то для сопротивления кулачества, ведущего операцию против мероприятий государства, можно применять статью 58-ю, конечно, не в массовом масштабе, а умеючи".⁴⁵

Вся отечественная легальная литература убеждает, что умение и чувство меры никогда не покидали сотрудников известных органов. "Вот где работают, черти!" - восхищался геппеусами один из героев Андрея Платонова.

Обвинения по статье 107-й обычно адресовались кулакам и хлебным спекулянтам. В тексте самой статьи политической характеристики обвиняемых нет. Явное передёргивание объекта преследований имеет

свою цель. Уголовной погони за задержку хлеба в первые месяцы года подверглись крупные крестьянские дворы. В районах выбрали по два-три хозяина и устроили показательные суды над ними. Суды были многочисленными, проводились выездными бригадами облсуда и стали мощным средством устрашения.

Народу дали понять, что упорство в защите своих интересов чревато уголовными, а то и политическими обвинениями. "Злостный зажимщик", пусть даже пары жалких пудов, мог легко стать кулаком со всеми вытекающими из этого превращения последствиями. Кулаков в деревне отныне плодили не экономические, а политические обстоятельства.

Архивные материалы по нашему региону прямо свидетельствуют, что статья 107-я адресована не кулакам, это предусмотрительно заложено в её редакции. Она против всех, кто не продаёт свой хлеб. На протяжении двух лет, до принудительной коллективизации, она стала основной мерой судебного преследования мужика и насильственного изъятия хлеба. Расширение репрессий происходило под идеологическую какофонию. Платные звонари несли наукообразную злочую о кулацкой стачке. Искусственно генерировался тезис о нарастании классовой борьбы, вспыхнувшей тотчас же по приезде в деревню уполномоченных по заготовкам.

В секретных рабочих директивах политической болтовни избегали, если даже дело пахло политикой, вверяли себя не теоретикам. "Подбор кулацкого элемента, - указывается в директиве, к примеру, Челябинского окружкома партии - подлежащего преданию суду, ..осуществляется уполномоченными ГПУ, но самое производство дознания, его оформление и предание суду производится через нарследователей, где они имеются, и через начальников милиции в отсталых районах... Роль органов ГПУ в этом деле, по существу основная, не должна, таким образом, выпирать наружу".⁴⁶ Вот так! Даже в репрессиях ещё ломали демократию.

С первых дней открытых репрессий заготовки оживились. Сей правовой акт властей мужика ошело-

мил. Рассуждали так: можно привлечь за недоимки, за самогона, за спекуляцию, но за невыпуск хлеба, прости господи, - ну ни в какие ворота! Было загадочно и жутко. Смутные подозрения усиливал другой факт. Уполномоченным категорически запретили доводить до хозяев планы заготовок. Пусть мужик сдаёт, рассуждали большевики, пока есть хлеб и сдают нервишки. Вроде бы демократия, а найдём утаённый хлеб, загремишь под статью.

"Суд над кулаками за невыброс излишков хлеба на рынок, то есть по статье 107-й, - радовался уполномоченный по Звериноголовскому району, - явился хорошим агитатором в деле хлебозаготовок. Так, например, если до суда шла заготовка хлеба от 200 до 300 центнеров в день, то после суда мы имеем от 400 до 1200 центнеров в день". Показательные суды принесли и другой результат. Все сколь-нибудь заметные хлебные запасы были мгновенно спрятаны. Пока ещё не так капитально, как на следующий год, но отныне каждый хозяин бережно хранил ото всех хлебную тайну.

Вслед за показательными судами пошли обычные. Репрессии заметно уплотнились. За первое полугодие по Уралу было осуждено по статье 107-й около тысячи человек. Небольшое количество осуждённых не отражает действительного положения дел. Причиной тому следующее обстоятельство.

Громоздкая и инертная судебная машина не могла справиться с моментально возросшим числом "правонарушителей". Зигзаги партийного руководства для неё оказались столь же неожиданными, как и для деревни. Судей, ещё не отвыкших от соблюдения элементарных процессуальных норм в оформлении и ведении уголовных дел, еле доставало в организации показательных процессов. Итоги этих процессов и нашли преимущественное отражение в статистике облсуда.

Я обработал первичные документы трёх районов Курганского округа. Число арестованных с конфискацией имущества или его части в первое полугодие двадцать восьмого составило около трёхсот человек.

По статистике округа, в котором двадцать районов, показано всего чуть более ста осуждённых.

Вскоре под уголовное преследование за невыпуск хлеба попал рядовой единоличник. Всякие ограничения на применение статьи 107-й отбросили. Корректирующий циркуляр областного суда от 25 марта 1928 года напоминал, что "общая установка при применении статьи 107-й УК РСФСР должна быть взята на имущественные меры социальной защиты, главным образом, на конфискацию хлебных излишков... По отношению к некулакам 107-я статья УК должна ориентировать на конфискацию хлеба и короткий срок лишения свободы".⁴⁸

Всё по законам доисторического материализма: не кулак - тоже получишь срок, но короче. Позднее облсуд установил норму хлебных излишков - 400 пудов. А через полгода одумался и снизил её до 250. Запомним этот юридический пассаж. Нет, не за то, что грабёж называется имущественной мерой социальной защиты. Важнее тут про короткий срок заключения.

Особую озлобленность властей вызвало массовое укрывательство хлеба. Уполномоченные и члены комиссий содействия заготовкам перешли на индивидуальную работу с населением. Ежедневно вызывали на актив мужиков и часами выпытывали, где спрятан хлеб. Постепенно привыкали к жестокости. Днём же, прихватив милиционера или следователя, делали подворные обыски. В классовые тонкости не лезли, брали у всех подряд, не гнушаясь нищенским пудом. Не было в наличии зерна, брали с хозяина хотя бы обязательство на сдачу в надежде потом вытрясти из него обещанное по суду. Забирая последнее у нищеты, наобум обещали, что Советская власть не даст умереть с голоду классово двояродным.

Мужик мог не доесть, но семенные фонды берёт свято. Местные революционеры выгребали и их, обещая к весне сортовые семена. Чтобы выполнить задание очередной пятдневки, шли напролом. Крестьяне не верили и поступали в меру своей хитрости. Читая протоколы конфискаций, поражаешься природной сообразительности и хозяйственной изворотливости

мужика. Скрывали хлеб на выселках, в лесу, закапывали в землю, топили на дне колодцев...

Властям оставалось одно - взяв в руки вилы, металлические щупы и другой поисковый инструмент, двинуться с обыском по дворам. Под остервенелый лай собак и взоры любопытствующих деловито осматривали чужие амбары и бани, тщательно прощупывали зароды сена и ветхие соломенные стены надворных построек. Походя переписывали всё, что представляло интерес для возможной конфискации.

С весны двадцать восьмого подворные обыски стали обычными и регулярными. Наведывающиеся раз от разу активисты с подозрением замечали, что в обобранных ранее дворах невесть откуда вновь появляется хлеб. Чувствуя себя обманутыми в революционных начинаниях, они поставили обыски на уровень еженедельной профилактики и выметали сусеки подчистую.

"А санкция прокурора?" - спросит избалованный свободой читатель. Семьдесят лет назад прокуратуру научили мыслить по-большевистски. "Можно ли делать обыски в семьях красноармейцев?" - спрашивал уполномоченный у окружкома. "Можно, - отвечал секретарь, - если есть полная уверенность, что в семье есть излишки хлеба". Право, таким образом, переводилось в область субъективных подозрений уполномоченного.

"Имеются сведения, - директива на злобу дня, - что отдельные крестьяне начинают прятать хлеб, развозя его по вновь организованным выселкам, зарывая в ямы или солому на полях и т.д. Окружком предлагает принять все меры к тому, чтобы не допустить прятания хлеба и, в частности, произвести проверку на выселках, хуторах, выявить точное наличие хлеба и, если у них окажутся излишки, предложить им немедленно сдать таковые основным заготовителям".⁴⁹

Местные органы власти зело озадачились. Ну уследишь ли за каждым мужиком? Да и весь район не перетычешь вилами. Вот если бы... Мысль казалась гениальной, но не фантастической. Вот если бы кто-то из членов крестьянской семьи мог доносить вла-

стям. Например подростки-комсомольцы, глупые бабы, мальцы-пионеры. Неплохо бы завести анонимных сельских информаторов...

Некоторый опыт был. В борьбе с самогоноварением, к примеру, десять процентов штрафа отстёгивали на премирование. Половина премии шла стукачу, четверть милиционеру, остальное в бюджет. Подчёркнуто трезвый образ жизни стал наводить деревенских на понятные подозрения.

Идеи просились в жизнь и скоро нашли практическое применение. Воплощению гениального мешала текучка. Пока запрягали лошадей, нарочный привёз свежие директивы. "При обнаружении спрятанного хлеба ниже 250 пудов (свыше 250 пудов конфисковать по 107 статье) поступать следующим образом. На обнаруженный хлеб составлять акт... Акт передаётся в окружной суд для привлечения к ответственности... Никаких расчётов за хлеб с теми, у кого он изъят, не производить до получения директивы из округа".⁵⁰

Итак, виновен всякий, кто прячет хлеб. Заметьте - свой хлеб! В состав преступления вводится уже не сокрытие хлеба от продажи, а сам факт сокрытия. Пусть даже зерна едового или семенного. Понимая подлог, указанную директиву разослали на места с сугубым грифом: "абсолютно секретно", "по ознакомлении возвратить в окружном". Макулатуру вернули. А практика внесудебной конфискации хлеба надолго осталась обычным методом заготовок. Никто обнаруженного зерна не взвешивал. Зачем? Истина упростилась до афоризма: "Хлеб - Родине, хозяину - срок!"

Летом статью 107-ю отшлифовали ещё раз. Следствие по ней ограничило 48-ю часами, хлеб надлежало забирать весь и немедленно. В отношении конфискации другого имущества рекомендовался общий порядок, то есть изъятие по истечении 14 дней. Тут же снизили предел хлебных излишков населению до 250 пудов.

Ужесточающие жизнь директивы поступали чуть ли не ежедневно. И отовсюду, хотя читать их было скучно, ибо партийная злость росла монотонно, без

украшающих историю скачков. Среди бумажной рутины предпереломных лет изредка встретится что-то весёленькое. Такое, к примеру, что прошло сквозняком по всей уральской деревне.

"При рассмотрении по 107-й статье УК по каждому району округа применять по одному выселению из пределов Уральской области из слоя злостных укрывателей зажиточного и кулацкого элемента деревни..." Своеобразная судебнo-репрессивная лотерея. Ждётся от государства возвращения благоразумия, а тебе - Крайний Север!

Дело было новое, выходящее за пределы даже советского права, посему карательному аппарату нужна была помощь. Нарследователи, гласит методическая бумага, при проведении этих дел "обязаны окрсуду прислать автобиографию на лицо, подлежащее выселению, с полной ясностью его политического и экономического положения и лояльности к Соввласти, с расчётом, чтобы окрсуду предоставилась возможность телеграфно известить суд ко дню слушания дела о возможности применения или неприменения меры выселения".⁵¹

Чего же тут весёлого? Да волокита бумажная, будто выселяют не мужика шершавого, а дипломатическую персону. Ссылка воспринималась пока чрезвычайным наказанием и документы на выселяемых оформляли скрупулёзно. Бумагу - туда, бумагу - сюда, аж противно. Через пару лет деревенщину погонят на Север тысячами, и - никакого суда.

К концу двадцать восьмого гниlostное буржуазное милосердие из карательной деревенской практики выдавили. Местные суды завалили окружные центры краткосрочно осуждёнными по известной статье. Были здесь осуждённые за недоимки, самогоноварение и аполитичный воровской люд. Переломные годы неожиданно обострили преступные наклонности земляков. Скорее так: поскольку власть трясла жизнь сумасбродными директивами, удержаться в правовом пространстве становилось труднее и труднее.

Растущую преступную ораву надо было кормить. Провинциальные власти всей страны таких бюджетов

не имели. "Местный исправдом, - типичная жалоба вверх, - переполнен до невозможности". Ещё постановлением ВЦИК и СНК СССР от 26 марта 1928 года было предложено принять срочные действия к тому, чтобы впредь не применять в качестве меры социальной защиты краткосрочное лишение свободы. Специркуляром от 30 июня того же года, который не украсит советской истории, Наркомюст распорядился о переводе всех заключённых, осуждённых до одного года включительно, на принудительные работы. Тысячи земляков-краткосрочников пересели с камерной баланды на оздоравливающий труд.

Вопреки строгим инструкциям крестьян пёрли в суд вдоль и поперёк России. К обычным прежним обвинениям добавились новые. Лишь угрозой тюрьмы можно было удержать мужика от сокращения посева. Холодный душ поборов укоротил мужицкую предприимчивость.

Осень - золотое время не только для хлебороба. По осени на Советской Руси жнут и карательные органы. Предвидя толпы краткосрочно голодных зеков по новым заготовкам, Наркомюст вынужденно пошёл на чрезвычайные меры. "Строжайшим образом проследить за тем, - указывается в циркуляре от 27 декабря 1928 года, - чтобы с момента получения на местах судами данного циркуляра впредь не было вынесено ни одного приговора народного суда, осуждающего к краткосрочному лишению свободы до одного года.

Указать судам, что в случае установления такого нарушения сам вынесший приговор судья будет предан суду по обвинению в невыполнении распоряжений центрального правительства и узнает на собственном опыте, что такое принудительные работы... Предложить судам во всех случаях, когда по УК предусмотрено лишение свободы до одного года, прибегать исключительно к принудительным работам, штрафам, высылке".⁵²

Трудности создавал поток арестованных органами ГПУ. Уполномоченные, воспользовавшись санкцией партии о временной изоляции некоторых кулаков, гнали в окружные центры каждого подозрительного.

Почти с каждого сельского схода по самообложению, заготовкам, займам самых недовольных уводили в район под конвоем. Оттуда пересылали их в округ. Дело в том, что за срыв собраний под влиянием контрреволюционной пропаганды полагалась солидная статья 58-10. Отпускать такого подозреваемого боялись. Чтобы как-то сократить число контрреволюционеров, перед отправкой таковых в район требовалось испросить ГПУ - возьмут ли они гада.

Большинству читателей не приходилось упираться в альтернативу - год тюрьмы или год принудительных работ. Абстрактное изучение их сравнительной ценности - дело сложное. Усомнимся и в милосердии Советской власти. Дело в другом. Произвол местных властей в период заготовок стал совершенно неуправляем сверху. Массовые суды и аресты по линии ГПУ отнимали значительную часть трудовых ресурсов деревни.

С другой стороны, государство не могло справиться с такой массой краткосрочных зеков. Система ГУЛАГа ещё только планировалась через объединение концлагерей ОГПУ, Наркомюста и других правозащитных органов. Да и принимали в концлагеря со сроком не ниже трёх лет лишения свободы. Содержать зеков-краткосрочников на государственном харче во всех отношениях было разорительно. Перевод таковых на принудительные работы, когда помимо самосодержания они дают чистый доход, виделся оптимальным выходом из проблемы.

К уборочной власть совсем размякла. Нужны были рабочие руки. Наркомюст потрещал "немедленно освободить из-под стражи осуждённых как в судебном, так и во внесудебном порядке (ОГПУ) за несдачу хлебных излишков по статье 107-й УК крестьян-середняков и бедняков... Немедленно прекратить все незаконченные дела по статье 107-й УК в отношении крестьян середняков и бедняков, привлечённых за несдачу хлебных излишков". Далее было неосмотрительно обещано, что "чрезвычайные меры, которые допускались за последний период хлебозаготовок, в

дальнейшем недопустимы и ни в коем случае не должны иметь места".⁵³

Наркомюст лишь повторил обещание, данное партией на пленуме ЦК ВКП(б), после которого всё провинциальное руководство прилюдно и газетно признавалось в ошибках и перегибах, клялось больше не обижать родное советское крестьянство. Последнее в ответ не особенно расчувствовалось, то ли потому, что не забыло про уворованный хлеб, то ли помнило про барина, которого прилично хвалить в гробу.

В следующий хозяйственный год государство и крестьянство вступили с разными мыслями. Руководство надеялось, что мужичье, убоявшись новых репрессий, будет покладистее. Деревня ожидала благоразумия и верила, что насилие прошлого не вернётся. Надеялась очень, но с первых дней уборки прятала хлеб капитально.

Начало уборочной кампании обнадеживало. Осенью урожайного двадцать восьмого хлебная конъюнктура складывалась удачно. Высокое предложение товарного хлеба в первые заготовительные месяцы делало приемлемыми установленные государством цены. Положительно сказалось на росте товарности проведённое накануне повышение закупочных цен. Усилился привоз зерна и на частный рынок. ЦК ВКП(б) поспешил заявить, что "партии и Советской власти удалось с достаточной быстротой перевести заготовки с методов чрезвычайных мер на нормальные методы заготовок".

Не обошлось без хвастовства. Удачную хозяйственную конъюнктуру поставили в исключительную заслугу партии. Отсюда делался вывод: не политика должна исходить из экономической реальности, а наоборот - политика создаёт таковую. В политическом диктате хотелось видеть мощную созидательную силу.

Повышение закупочных цен и товарных запасов в торговле оказало, разумеется, доброе влияние на состояние рынка. Но главным его условием был всё-таки хороший урожай. Продолжительность нормальных заготовок определялась объёмом хлебных излишков. К ускоренной хлебосдаче подталкивала боязливая

мысль, что лучше продать осенью, чем весной попасть под конфискацию.

Политическое ведро быстро сменилось ненастьем. Первые трудности с хлебозаготовками начались в январе-феврале 1929 года. Персональную ответственность привычно взымали на кулачество, не изменилась и стратегия. Вот в тактике борьбы появилось много нового и неожиданного.

Уполномоченные вновь вернулись в деревню и их стало много больше. В соответствии с новой тактической установкой они ходили теперь по дворам группами. Что-то вроде отрядов подразвёрстки. Эффективность такой методы обнаружилась сразу. В материалах окружного совещания по заготовкам (Шадринск) отмечалось: "Уполномоченные не всегда отвечают порученной им работе, они не могут организовать работу применительно к условиям того или другого села, надо сейчас посылать заготавливать товарищей группами".

С самого начала кампании включили все формы налогового давления на сельчан, ввели дополнительное самообложение (25% от основной суммы). Под государственный контроль попали тончайшие капилляры мужицких доходов. К налоговому обложению привлекли неземледельческие доходы двора, затем в круг налогооблагаемости были включены специальные виды сельхоздеятельности и мелкий скот. Мужикам дали понять, что он не единственный хозяин в собственном подворье. Скоро каждая курица, рассеянно бродившая по двору, была привязана налогом к государственному финансовому интересу.

Для сколь-нибудь крепких хозяйств, радикально обзымаемых кулацкими, применялись дифференцированные надбавки до 20% от основной суммы налога. Сумма налогов стремительно росла, но этот рост искусственно маскировался политикой классовой разбивки налогов. Каждый крестьянский двор в 1929 году платил в среднем 34 рубля налогов, а проходящий как кулацкий - более 300 рублей.

Индивидуальное налогообложение, введённое в 1929 году, партийная история обзовет решительным

наступлением на кулака. В действительности топтали экономическую основу российского благополучия, ибо каждому небезголовому ясно, что к земле и мужицким рукам нужен ещё капитал. Наголо брили ту категорию хозяйств, которая давала основную часть товарного хлеба. Идеологический принцип “до основания, а затем...” до сих пор исчерпывающе объясняет нашу материальную убогость.

Финансовые отчёты того времени, менее восторженные, чем партийные, констатируют, что рост нормативной величины налогов и расширение географии облагаемых объектов (сенокосы, травы и корнеплоды, все виды скота и т.д.) отрицательно сказываются на экономике единоличного хозяйства. С 1928 года начинается сокращение коровности в уральской деревне.

Закат урало-сибирского маслоделия и экспорта масла сменился активным идеологическим наступлением на буржуазную Европу. Со следующего двадцать девятого хозотчёты просматривают сокращение поголовья скота по всем категориям. Невыгодным стало животноводство. Начался массовый забой скота. Нежелание запускать его в зиму по причине высокого обложения рассматривалось властями как контрреволюционное действие.

На этот раз в хлебозаготовительный аврал применили тактику самообложения. Метод называли урало-сибирским, отдавая дань нашему приоритету в применении такового. Натура методы демократически проста. На общих собраниях деревни утверждался план хлебосдачи и развёрстывался по дворам в зависимости от наличия хлебных излишков.

Простите, я снова сбился на партийную версию истории. Давайте всё снова. Каждый уполномоченный привозил в кожаном планшете... Такой тонкий-тонкий и на длинном ремешке. Помните, накидывается через плечо, но с другой стороны от кобуры.

Так вот, из планшета вытаскивался план хлебозаготовок, изменить который в сторону занижения не мог даже всевышний. План следовало лишь формально утвердить общим собранием деревни, чтобы авантюра выглядела демократически привлекательной.

Точь-в-точь как с самообложением деньгами. Делалось сие в меру отпущенной агрокомиссару хитрости и житейской проходимости.

Технология общедеревенского демократического самообложения читателю хорошо известна. На общем собрании по натуральному (хлебному) оброку всё обстояло чуть поостроже. Под развёрстанную по-дворно величину заготовок тут же выдавались путёвки на сдачу хлеба с указанием веса и сроков вывоза. Некоторые особенности демократической процедуры двадцать девятого станут понятны из документальной иллюстрации.

“Вручать путёвки на собрании, - инструктировал подельщиков уполномоченный по Белозерскому району, - если не голосуют “за” (а голосовать принудить всех), объяснить, что план хлебозаготовок утверждён свыше и поэтому хлеб будут сдавать те, кто голосует “против”. При такой постановке вопроса вы добьётесь единогласного голосования”.

Вот что такое социалистическая демократия! Голосуешь “за” - сдаёшь хлеб добровольно. “Против” - тем более сдаёшь, но принудительно. Это ещё цветочки, ягодки впереди. “Общее собрание должно длиться до тех пор (хотя бы это ограничилось сутками и более), пока не выдадут обязательства на вывозку хлеба. Примите сверхчеловеческие усилия в деле выполнения плана хлебозаготовок. Невыполнение будем рассматривать как нежелание, как неумение выполнять директивы партии”.

Последний пассаж агрокомиссар сдул с окружного документа. От себя добавил немного лирического. “Вокруг кампании хорошее настроение бедноты, выковываются новые кадры бедняков”.⁵⁴ В тридцать седьмом уполномоченного отправят под тройку, но пока он слыл большевиком преданным и решительным.

На слух демократию соотечественник не воспринимает. После высоких слов ему полезно вразумительно врезать. Иначе впадёт в анархию. “Положение с рынком, - так было везде, - резко изменилось, в дальнейшем подвоз хлеба совершенно прекратился.

Создавшееся положение вызвало панику среди населения - бросились запасать хлеб, опасаясь, что весной его не будет, в силу чего цены поднялись. Отсутствие рынка, паника среди населения и повышение цен быстро передаются в деревню и вредят хлебозаготовкам. Рынок сейчас перешёл к крестьянину во двор".⁵⁵ Действительно в начале двадцать девятого рыночные цены южно-уральских городов на муку подскочили до 7-9 рублей за пуд. Что превышало цены нэповские почти в пять раз. На севере Урала положение было ещё сложнее.

Напуганный горожанин свою судьбу отдавать в руки Советской власти не собирался, поэтому кинулся на деревню. На сельских улицах появился ещё один враг заготовителей. Враг серьёзный, так как платил за хлеб по взаимной договорённости.

Дабы пресечь рыночную активность горожан, закупленный хлеб стали у них отбирать, вылавливая на просёлках тайные обозы. Судили пойманных за хлебную спекуляцию, которая хоть и имела место, но не определяла наличие контрабанды. Мужиков, тайно продающих хлеб частникам, подвергали бойкоту. Потом частную торговлю хлебом запретят законодательно, а пока факт продажи частному лицу рассматривался уполномоченным как явное право на репрессии. В общественное сознание настойчиво вбивалась норма, что морально оправдана только продажа хлеба государству, остальные товарные операции есть спекуляция.

Постепенно размотались все рычаги пролетарской диктатуры. Ввели ежедневную отчётность. Строго секретную, разумеется, под личную ответственность и ночью. Сталинским временам вообще присущ ночной образ общественной жизни. Ночью принимали планы, ночью развёрстывали их, ночью занимались демократией, то есть увещевали мужика или пытали... Ночами тридцать седьмого наши активисты будут чунать от изнеможения перед следователем НКВД, перед утром и расстреливали...

"Дело идёт плохо, - сообщал мартом месяцем уполномоченный Шадринского окружкома ВКП(б), -

всю неделю пьянство ужасное. Пытались собрать бедняцкое собрание, не смогли, собрали пленум кое-как и то неполный, да вдобавок полупьяный. Сегодня шпарим с утра и выжали только 397 пудов... Вызвали в сельсовет комиссию пятнадцать человек, четырнадцать отказались категорически... Работа осложняется ещё и тем, что население (двоеданы) - мужики крепкие..."⁵⁶

Документальная картинка исторической ценности не имеет. Во-первых, писать про запой на деревне можно бесконечно, ибо пьянка тут есть начало и исход всякой коллизии. Хлеб, во-вторых, с трудом выбивали везде. Интерес в случайном совпадении, заготовительная драма разворачивалась в местах процветания АО имени Ильича, с описания бытовой панорамы которого начиналась эта книга.

"Шпарить" приходилось по всем направлениям. Вовлекли в дело контрагентуру, начав с детей. Школьники проходили на занятиях азбуку хлебозаготовок, много дискутировали по данному предмету на ученических собраниях и определяли свою политическую позицию в семье. По газетным карикатурам учились визуально определять классовую принадлежность знакомых. Искали и находили классовых врагов в школе.

Началось интенсивное классовое размежевание в крестьянской семье. Мальчиков, склонных во всём присматриваться к отцу, учили присматривать за отцом. Пионерия творила политических акселератов, недетски зло и подозрительно смотрящих в мир.

Были в системе детского политобразования и позитивные моменты, о чём говорит, к примеру, рапорт учащегося курганской школы № 1 птицеводческого уклона 8-й окружной партконференции. "Мы, учащиеся птицеводческого уклона, призываем общественные организации организовать большие детские птицеводческие колхозы. Ещё раз заявляем, что выполним наказ пионерского слёта - догнать и перегнать американскую курицу! Всегда готовы!" Рапорт украшен рисунком девочки с петухом в руках.⁵⁷

Всё правильно, у общества, шестьдесят лет догнавшего американскую корову, и детские идеалы свои. Глупый американский бройлер победил во всемирном масштабе. Теперь его холки можно купить в любом сельском магазине. Может, потому у нынешних школьников нет идейно-радикальных порывов, они прагматичнее. Мальчишка бредит иномаркой, девчонка с шестого класса мечтает стать валютной проституткой.

Снова о детях и заготовках. В Ирбитском районе нашли интересную форму привлечения школьников к хлебозаготовкам. Их впрягли в детские санки с красными флажками и отправили по дворам кулаков и зажиточных. Только злобный враг Советской власти, рассуждали педагоги-новаторы, устоит перед умоляющим детским взором.

Мы до пятнадцати лет ходили в Рождество славить. "Рождество твоё Христе божие.., - рвали хором, едва переступив порог очередной избы и принимаясь, - не дадите пирога, - я корову за рога, не дадите булку - хозяйина на улку!" Пионерских славильщиков научили более определённого. "Если хлеба не продашь - не дадут нам карандаш!" Многие хозяева жертвовали малолеткам на карандаши по несколько фунтов хлеба. В школе хлеб изымали и сдавали в государственные закрома.

Активно проявили себя в заготовительной кампании 1929 года комсомольцы. Лёгкие на ногу и ум, они настырно лезли во все щели деревенской жизни. Власть провоцировала и поощряла их самые дерзкие начинания. Несмотря на юношеский максимализм, комсомольцы практически повторяли в своих решениях и поступках дела партийных организаций. В помощь низовым деревенским активистам направлялись комсомольские бригады из городов и районов. Они должны были содействовать местной молодёжи в борьбе за хлеб. Нет, не производить, а отбирать.

На местах формировались комсомольские посты и отряды лёгкой кавалерии. Они по-детски весело, а политически серьёзно устраивали налёты на кулацкие и зажиточные хозяйства, заготовительные пункты,

проверяли ход кампаний. Вносили, по их мнению, необходимые коррективы. Не останавливались, если обстоятельства позволяли, перед жестокостью. Романтические отряды лёгкой кавалерии были по сути русским вариантом, предтечей хунвэйбинов.

Отшугивать агрессивную зелень запрещалось. Тут поднимался вой и политический, и лицемерно гуманистический. Мол, темнота контрреволюционная, на детей революции руку поднимаете! Стоило отцу прочувствовать своего оболтуса, уваливающего от домашней работы во имя политических игр, сына провоцировали на отказ от родителя-изверга.

Молодёжи вообще свойственно увлечение внешней стороной дела. Поэтому комсомольцы были незаменимы в проведении агитационно-массовых мероприятий, театрализации заготовительных кампаний. Но ещё раз подчеркну, когда дяди-большевики призывали к жестокости, комсомол становился по-юношески беспощадным.

Я намеренно не говорю о всей деревенской молодёжи, хотя мы привычно связывали героикой колхозного движения с комсомолом. Кстати, для деревенского парня вступить тогда в комсомол было труднее, чем потом избежать членства в нём. Большинство деревенской молодёжи постепенно вращалось в крестьянский труд, кормило, как могло, страну и не помышляло о политике.

В контингенте вербованных и заключённых преобладала трудоактивная сельская молодёжь, те нахлебистые и рвущиеся к достатку будущие хозяева, с которыми работать было бы труднее, да много легче и сытее жить. Нормальный деревенский подгон, словом, вершил реальную историю в агро-, пром- и классическом ГУЛАГе.

В печатную советскую историю попал только орденосный комсомол. "Прокати нас, Петруша, на тракторе..." Заботливые политические хирурги вырезали из истории всё, оставив потомкам только романтические грёзы о молодом тюменском трактористе Петре Дьякове.

История документальная обратила грёзы в пьяные слёзы. Рядом со мной в архивах работал земляк-историк, докопавшийся и здесь до серой правды. Ни вышедшей из леса кулацкой банды, ни героического деяния на самом деле не было. Как физическая особь, подавляющей чертой характера которой всегда оставалось желание выпить, Пётр Дьяков имел место быть. По пьяни колхозный трактор и сгорел. Набуровленная с похмелья героическая версия вчерашнего, с кулаками и белобандитами, следствие не удовлетворила. Зато подвернувшиеся газетчики сварганили из говна крепкую идеологическую бормотуху.⁵⁸

“Возьмите мой комсомольский билет, - заявил парень из села Теменёвского Шадринского округа, отказываясь участвовать в заготовках, - я выйду из комсомола, пока мужики не отвернули голову. Начинать проводить политику партии, так скоро ухлопают”. Это не романтический дурман, а родниковая правда. Как и то, что таких было немало. Одни решались сами, других вытаскивали из большевистского греха заботливые руки родителей.

Может, об этом когда-нибудь споём. Или хотя бы не будем забывать. За то, что у них хватило ума и смелости остаться человеком смолоду. Не забыть бы и тех комсомольцев, что мордовали крестьян обысками, бойкотами, забивая окна и двери, открыто глумясь над человеческим достоинством. Помнить всё, чтобы не заржавела совесть.

Погромный экстремизм молодёжи удручающе однообразен. Не обошлось в уральской деревне без традиционных шутовских спектаклей изощрённого издевательства. В сёлах Курганского округа, например, на дворах зажиточных и кулаков укрепляли объявления, что здесь живёт враг Советской власти. Во время общих собраний к лицам, задерживающимся с выполнением планов хлебосдачи или денег, применялись творческие меры унижения: зачитывались сочинённые комсомольцами оскорбительные частушки, навешивались на грудь оскорбительные плакаты и прозвища, сжигались чучела недоимщиков. В Тюмени революционный поиск молодых дошёл до изобре-

тения чёрных скамеек с царским гербом и надписью - “Друзья Чемберлена”. Не говорю уж про битьё окон и мелкие подлости.

Местная экзотика не выходила за границы большевистских моральных норм. Комсомольцы села Доминского Батуринского района организовали заготовительный карнавал, вызвавший умиление на окружной партконференции. Впереди ехала красная повозка, а затем несколько возов с мешками, набитыми соломой, на которых сидели ребята, загримированные под классово чуждых. На “кулаках” были написаны фамилии “злостных зажимщиков”. Карнавал объехал четыре деревни, но заготовок не ускорил. “Вербовка хлеба, - с досадой сообщал уполномоченный того округа, - проводится комсомольцами лет четырнадцати-пятнадцати; по-моему, это не верно, ибо крепкие мужики и нас-то уже слушаются плохо”.⁵⁹

В борьбе за горький хлеб двадцать девятого не обошли вниманием и прекрасную половину уральской деревни. Женщины с их естественным стремлением к семейному благополучию и уюту были, пожалуй, самым консервативным элементом контрагентуры. Они чаще срывали демократические начинания властей. Уполномоченные жаловались в отчётах, что собрания превращаются порой в неконтролируемый бабий бунт.

Но всё же в агрессивной среде находились и активистки. В практику общественной жизни тех лет внедрились районные и окружные бедняцко-средняцкие женские съезды. Делегаткам доверительно пели о растущей роли женщины в социалистическом строительстве, ориентировали в сложной политической обстановке, льстили дефицитными подарками. Некоторые возвращались домой очень просветлёнными и решительными. С их помощью думали привлечь стихийную женскую натуру к идее хлебозаготовок.

Особенно податливыми оказались далматовские хозяйки. В основе планового выполнения заготовок - “ведение массовой работы вплоть до женщин, - с удовлетворением передаёт агрокомиссар по этому району, - и мы имеем здесь успех, так, например, это

мероприятие дало более 400 пудов в день". Уникальный случай. Обычно женщины, существа с более развитым чувством самосохранения, упорнее защищали семейный интерес, удерживая порой и хозяина от необдуманных поступков. В сельсовете он изустно клялся в лояльности властям, но когда доходило до дела, сокрушённо разводил руками - "баба не велит".

От товарного стимулирования заготовок в 1929-м остался один запах. Промышленность страны тронулась на металлургии. Дефицит промтоваров стал совсем социалистическим. В строго секретной (туда же!) информации облпотребсоюза, адресованной секретарям райкомов, товарная панорама выглядела так.

"Кожевенно-обувные товары - перспектив на устранение недостатка нет.

Рабочие сапоги - на полное удовлетворение спроса рассчитывать нельзя.

Скобяные товары - перспективы на улучшение отсутствуют.

Посуда - улучшения положения с этими товарами не ожидается.

Бакалейные товары - недостаток сахара обусловлен недородом свекловицы.

Рис и крупа - заявки удовлетворяются на 30-40%. Перспектив нет.

Мыло хозяйственное - на получение больших перспектив нет..."⁶⁰

Трудно жить, когда в магазинах есть почти всё, а в кармане пусто. Душа трепетно ностальжирует при виде знакомых с детства картин дефицита. Хочется окунуться в родную стихию советских очередей, посудачить с ближайшими соседями о том, о сём, порадоваться покупке и тому, что не всем досталось...

Стабильно ходовой и удовлетворяемый потребности товар всех партийных лет - спиртное. Конец отечественного социализма, собственно, пришёл тоже не по зову исторических законов, а с дикого запрета пить. С той весны восемьдесят пятого, когда у нас отняли самую содержательную часть бытия. И пока совсем не ясно, прогрессивнее ли революция, сотворенная по злему трезвому уму.

Соотечественник осуждён на пьянство бюджетно. Порочная склонность развилась в мощную общественную потребность. Умение пить регулярно и лошадиными дозами стало уникальным достоянием русской природы. Местные власти, вернёмся в 1929-й, не удержались от соблазна использовать патристический порок в суетных интересах.

"Правлением Укрянского потребобщества, - сообщалось в окружном ВКП(б), - дано распоряжение - продажу хлебного вина производить только сдатчикам хлеба... В январе месяце потребобщество заготовляло от 23 до 28 центнеров в пятидневки, а в феврале месяце за две пятидневки было заготовлено: за первую - 73 центнера, за вторую - 96 центнеров. Заготовка увеличилась исключительно за счёт продажи вина. В связи с этим население говорит: "До чего дожили, что вино даже продают за хлеб". По этому вопросу потребобщество имеет договорённость с РК ВКП(б) и райисполкомом".⁶¹

Практика сдачи хлеба под сивуху началась годом раньше, а тут получила повсеместное применение. Однако удачная инициатива была сурово пресечена Москвой. И вот почему. Действительно, прямой обмен хлеба на водку подстегнул заготовки. Но одновременно сократились денежные доходы государства. Покупаться на бюджет не позволено никому. Спиртное хорошо покупали и за наличные. Если же связать продажу водки со сдачей хлеба, мужик, чего доброго, по необходимости отвыкнет от пьянства и поставит страну на грань финансовой катастрофы. Наши шумные антиалкогольные кампании оставались потому лишь декоративно-утопическим начинанием.

"Постановлением Мишкинского РИКа, - жалуется партии директор спирто-водочного завода, - ограничен сбыт вина в сельской местности, что в значительной мере отражается на выполнении государственного бюджета, желаемого же уменьшения хулиганства нет". Антиалкогольные поползновения мишкинцев и многих других пресекли. Советская власть зорко следила за тем, чтобы земляки пили по полной потребности.

Для острастки запустили даже циркуляр облпрокуратуры. "Реализация хлебного вина идёт совершенно неудовлетворительно. За две декады мая месяца сего года план выполнен только на 43,6 %... Немедленно опротестовать решения райисполкомов, относящиеся к ограничению и задержке реализации спирто-водочных изделий... Лиц, допустивших эти ограничения, привлекать к дисциплинарной или уголовной ответственности".⁶²

Зима прошла, сообщали уполномоченные, в пьяном кошмаре. На самом деле, по Курганскому округу в зиму 1928-1929 года помимо легально пропитых денег было оштрафовано за самогонование 2 200 человек на сумму 87 тысяч рублей. Не скучали от трезвости и соседи. Начальник административного отдела информировал секретаря Челябинского окрукома ВКП(б), что за ползими у деревенщины отобрали 286 самогонных аппаратов и вылило 265 вёдер готового к употреблению продукта. Данные по округам пермского, свердловского и тюменского углов укладываются в общеклиматическую норму - чем ближе к полюсу, тем регулярнее пьём.⁶³

Мы не раз ещё обратимся к теме деревенского пьянства, сопутствующего всем прогрессивным начинаниям большевиков. А борьбу с самогонованием и подпольной продажей спиртного можно вносить в предмет изучения исторического материализма. Она много старше отечественного социализма.

На окольные формы воздействия у мужика к году переломному сложился иммунитет. В обещания он категорически не верил, на комсомольские игрища смотрел с иронией и боялся лишь откровенного произвола, который не заставил себя ждать.

"Местные организации считают, - наставляла партийная директива, - что хлеб сейчас должны сдавать только зажиточные слои деревни и кулачество. Бюро ОК считает такую установку неверной и предлагает РК и ячейкам призвать к сдаче хлеба всё крестьянство. Бюро подчёркивает, что самым действенным мероприятием, помимо воздействия государственных ор-

ганов, является общественный бойкот зажиточного и кулака, зажимщика хлеба всем крестьянством".

Психическая атака на хлебороба готовилась тщательно, ей лицемерно придали вид общественной инициативы. Врагами власти объявили всех, а в бой пошли мальчишки, ведомые комиссарами. "Подготавливая бедноту и середнячество к организованному выступлению против кулака с бойкотом на общем собрании, помещая его на чёрную доску, устраивая специальные демонстрации и карнавалы с лозунгами и плакатами к домам кулаков, используя стенную и живую газету, демонстрацию на ленте кино., широкая общественность должна окружить кулака всеобщим презрением и заставить его продать хлеб государству". То была директива одного из окружкомов Урала, списанная слово в слово с цексовской бумаги.⁶⁴

Поразительное лицемерие! "Широкая общественность деревни" призывается к бойкоту в секретной директиве на имя секретаря райкома партии. "Кроме общественного бойкота, - цитирую дальше, - следует применять бойкот экономический, придавая ему также широкий общественный характер. Кулака, зажимщика хлеба нужно лишать промтоваров, размола муки на мельницах, исключать из кооперации и т.п. Общественный и экономический бойкот следует применять с расчётом получения общественного и экономического (сдача хлеба) эффекта".

В деревне начался настоящий шабаш. Созданные с целью содействия сельские комиссии буквально терроризировали население. Несколько слов о комиссиях и причинах жестокости вроде добрых в прошлом мужиков.

В 1928 году за итоги хлебозаготовок персонально отвечал уполномоченный и местное руководство. Теперь ответственность с ними разделили сельские комиссии. Членство в такой комиссии стало опасной общественной повинностью с непредсказуемыми последствиями. В случае невыполнения плана заготовок члены комиссии шли под суд за халатное отношение к должностным обязанностям. На этот счёт родилась статья 121 УК РСФСР. Механизм репрессий, таким

образом, смахивал на вечный двигатель, часть деревенских жителей сделали невольными палачами своих земляков.

Членства в комиссии избегали под любым предлогом. Выборы тянулись иной раз сутками. Кому охота быть сволочью? В конечном счёте выбирали безответных - деревенских коммунистов и комсомольцев. Таким всё равно. Пролетарские академики потом называют это сплочением народных масс вокруг партии.

“Нас опять в петлю тянут, - заявил половинский бедняк Гладков, - чтобы мы кричали и отбирали хлеб”. Его земляк Солобоев, бывший член комиссии, образумившись, отказался от должности. “Мы с осени чуть не за горло брали - вези излишки и всё, а сейчас пусть кто хочет заставляет везти или выгребать хлеб, а мы не будем!”

“Комиссию выбрать совершенно не надо, - подсказал землякам выступающий в селе Нижне-Никольском Звериноголовского района, - пусть хлебозаготовки выполняет уполномоченный РИКа, он за это деньги получает. Если мы выберем комиссию, то она не выполнит плана и её посадят; сейчас это возможно, потому что хлеба у мужиков нет, нет совершенно, а нас с этими заготовками затрепали”.

Комиссию всё же избрали, а оппозиционно-умные головы попали в холодную. Короткие иллюстрации взяты из архивного тома с информационными сводками ГПУ.⁶⁵

Первой обязанностью сельских комиссий было подворное хлебообложение на основе навязанного деревне плана. Обложение было сугубо классовым, хотя облагались теперь все. После выдачи путёвок на вывоз хлеба, иногда и аванса, комиссия следила за графиком отгрузки и вела ежедневную отчётность. В случае задержки принимались меры общественного воздействия. Первой репрессивной мерой, назначаемой комиссией, был общественный бойкот. Но драмы возникали ещё при определении индивидуального задания.

“Хлеба у нас нет. С нашей деревни приходится 120 центнеров. Если собрать по деревне все сухари - не набрать этого!” (Белозерский район).

“Нет хлеба. По два урожая в год не собираем, две хлебозаготовительные кампании проводить не будем”. (Лебяжьевский район).

“Пусть хоть сколько угрожают бойкотом и высылкой, нам это не страшно. Всё равно крестьянин работает на казну, что дома, что в колонии исправдома”. (Глядянский район).⁶⁶

Приведены выдержки из выступлений крестьян на общедеревенских собраниях. Они взяты из информационных сводок окружного отдела ГПУ. По Уралу это целая библиотека в сотни томов! Большая часть деревенских смутьянов занесена в графу “АСЭ” - антисоветские элементы.

Разберёмся для начала с объектом классовой ненависти. С деревенским Минотавром образца 1929 года. По официальной статистике, доля кулацких хозяйств в экономике Урала составила 3 %. Под индивидуальное налогообложение попало 6 % крестьянских хозяйств. При посевной кулак неожиданно растворялся. Исчезал он и во многих иных жизненных ситуациях. Когда фанаты общественного бойкота отказали было кулацким хозяйствам в приёме молока на переработку, последовал злой окрик партийного руководства: “Отказ в приёме молока и масла от кулацких хозяйств считать политически вредным”. Хлеб покупать было дорого, поэтому возникла классовая борьба. Она и возникает обычно там, где один займёт сильное желание жить на халяву.

Не знаю, как там в центральной России, но на Урале для Советской власти не являлись идеологически опасными закупки у кулаков кожи, технических культур и других товаров. Строго экономического статуса кулак не имел. У деревенских активистов глаза сбежались в кучу. Надо было дать в руки хотя бы абрисно исполненный политический портрет изверга.

В мае 1929 года СНК СССР принял специальное постановление “О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о тру-

де". В этом документе к чуждым отнесены хозяйства по следующим признакам:

"а) если хозяйство систематически применяет наёмный труд для сельхозработ или в кустарных промыслах и предприятиях - за исключением случаев применения наёмного труда в пределах, в которых оно, согласно законодательству о выборах в Советы, не влечёт за собой лишения избирательных прав;

б) если в хозяйстве имеется мельница, маслобойка, крупорушка, просорушка, волночесалка, тёрочное заведение, картофельная, плодовая или овощная сушилка или другое промышленное предприятие - при условии применения в этих предприятиях механического двигателя, а также если в хозяйстве имеется водяная или ветряная мельница с двумя и более поставами;

в) если хозяйство систематически сдаёт в наём сложные сельхозмашины с механическими двигателями;

г) если хозяйство сдаёт в наём постоянно или на сезон отдельные оборудованные помещения под жильё или предприятие;

д) если члены хозяйства занимаются торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имеют другие нетрудовые доходы (в том числе служители культа).

СНК союзных республик и краевым (областным) исполнительным комитетам предоставляется право видоизменять указанные признаки применительно к местным условиям".⁶⁷

Видоизменяли! Применительно к погоде, кампании и актуальным задачам. В ответ на требования усилить нажим сельсоветы стали отвечать, что кулаков в деревне уже нет. Действительно, в это время кое-где (узнаем позднее) голодовали целыми деревнями.

"Как нет?" - возмущались в районах и городах, обвиняя местные власти в политической близорукости. Должны быть! Без омерзительного образа кулака события теряли стратегическую направленность и выглядели уголовно-прозаически. Обладающий более тонким классовым нюхом уполномоченный быстро

выявлял чуждых. Если подозреваемые не вписывались в государственно установленные признаки, находились изъяны в родословной. Над растерявшейся на миг деревенькой вновь алел восток.

"Обстановка работы комиссий, - умилялся парткадр, - настолько серьёзна и авторитетна, что идут по деревне пьяные, не доходя до здания, где заседает комиссия, затихают и говорят: "здесь работает комиссия". Такой метод надо продолжать и дальше".⁶⁸ Какой же метод обеспечил отрезвляющий авторитет заготовителей?

"29 марта вызвали на допрос в сельский Совет, - излагает Зирюкин Иван из деревни Мало-Николаевка Шумихинского района, - ждал двое суток. Ночью 2 апреля меня вызвали, допрашивали пять человек: избач, уполномоченный, председатель сельсовета и др. Сказали: "Вези хлеб и бери облигации!" Отказался. Тогда вызвали в 11 часов вечера. Шуховцов вытащил револьвер и сказал, что истратим на тебя только одну пулю. Рвал бороду.

В два часа ночи пришёл избач Стариков и сказал, чтобы шёл в избу-читальню, что там будет - сам знаешь. Когда вошли в читальню, я сказал: "Что вам нужно, то и берите, оставьте только меня в живых". Тогда Стариков говорит: "Вывези весь хлеб и бери облигаций на 80 рублей". Но я заявил: "Оставьте хоть пудов пятнадцать". Он мне говорит: "Мы оперативная тройка. Если я оставлю, то меня расстреляют вместе с тобой". Я согласился. Написал расписку, чтобы я не говорил, как меня допрашивали".⁶⁹

Денисову Степану, жителю той же деревни, избач (!) Стариков подносил к носу револьвер и угрожал расстрелять немедленно, если тот не вывезет хлеб и не купит облигации.

Такую комиссию, понятно, не только пьяный - собака обойдёт стороной. Не станем пока нервничать в адрес мало-николаевских активистов. Угроза оружием была обычной в практике заготовок двадцать девятого. Через семь лет трое из наших героев полчат по червонцу, как раз за свирепое усердие, а один

сядет ещё раньше. Они только угрожали. Осенью стали кое-кого отстреливать.

В отчёте об уголовно-судебной деятельности указывается, что каждый третий из осуждённых шёл по 111 статье УК РСФСР, карающей за халатное отношение к выполнению должностных обязанностей. Чаще всего попадали члены сельских заготовительных комиссий. Должность вроде бы общественная, а срок давали в натуральном виде. Да будь ты ангел ветрокрылый, а спастись от суда можно было только безусловным выполнением плана хлебосдачи, не озираясь на божественное.

“При вызове отдельных держателей хлеба, - осторожно ступает по корявой истине шадринская партийная комиссия, - преимущественно из зажиточных, недостаточно сдавших излишки хлеба, виновные допустили грубейшие меры физического воздействия, как-то: связывание за ноги, таскание связанных по полу, подвешивание за ноги к железной перекладине, сажали в подвал, провоцировали расстрел и т.д., что установлено следственными органами и личными показаниями обвиняемых”.⁷⁰ По решению парткомиссии пятеро деревенских активистов исключены из партии.

По собственному разумению дорога к богу трудная. Сбежать в подлость можно разом и наутёк. Со временем некоторые члены сельских комиссий стали профессиональными энтузиастами и хозяйственными заботами себя уже не утруждали. Ежегодные много часовые проработки зажимщиков своего хлеба с привлечением активистов из молодёжи превратились в подлинные пытки.

“Я работаю день в поле, - возмущался крестьянин из Макушино, - а ночью ещё с вами сидеть. Ходите отбираете хлеб, а мужиков оставляете на голодную смерть”. “Хлебозаготовки проводятся с грубым нажимом на мужика, - теперь это житель Куртамышского района Медведев, - а потом опять начнут писать извинительные письма, как в прошлом году писал Рыков, который своими письмами оправдывал власть и обвинял отдельные личности...”

Антисоветский элемент в ГПУ ненавидели, особенно грамотный. В информационных сводках с мест языки ставили на картотеку и давали задание означенных проработать. Что под этим понималось, история пока не знает. По сигналам оперуполномоченных, на уральской деревне запели крестьянский интернационал: “Владеть землёй имеешь право, но урожаем - никогда!”

Письма с жалобами на произвол хлынули во все инстанции. С болью читаешь эти безграмотные и полные отчаяния послания. Холодные и расчётливые органы погасили крестьянский стон. Писали Сталину и Калинин, что перехватывалось и направлялось в бдительные органы; писали в газеты, где руководствовались только указаниями Молотова. Основная масса писем оседала в партийных органах, откуда строго секретными каналами и исходила жестокость. В последних с колочей вежливостью, характерной для закоренелых аппаратчиков, манерно возмущались, но по сути оставались на стороне карателей.

“Все говорят в открытую, - писал Калинин крестьянин Черноборского сельсовета Харин Степан, - что нас хотят заморить, и поэтому в скором времени в каждом селении будет восстание, грабежи... Теперь я прошу, товарищ Калинин, дать ответ - почему это такое происходит... Оказывается, так по-нашему, что все наши вожди, все наши руководители далеко отклонились от того, к чему стремились и хотели в жизнь провести”.⁷¹

Писал Степан Калинин, а попал в окружной отдел ГПУ. Если письмо даже и попадало в канцелярию всесоюзного старосты, лучше не было. Оно возвращалось в местные органы власти с предписанием разобратся. Кто у нас мог докопаться до истины во всем и вся? Конечно ГПУ! Основная часть жалоб вождям снималась на взлёте, на местной почте. Деревенский правдоим узнавал о том позднее, когда за ним приезжали на милицейском ходке. Местные газеты, получив корявое письмо с ошпаривающей правдой, тотчас отправляли его в органы дознания. Как, к примеру, приводимое ниже.

“Товарищ редактор! Почему у нас изменилось понятие о кулаке, почему наш бедняк стал считаться кулаком? Почему в сёлах творятся безобразия, неслыханные в истории человечества, ведь не было ещё такой эпохи, где бы так издевались над крестьянством... Мужики кончают самоубийством, сходят с ума, их разбивает паралич. Собрания собираются к ночи, и вот тут-то и происходят издевательства над мужиками, их заставляют держать лампы, тычут под боками, теребят за бороды, тычут железными прутьями, плюют в глаза, толкают из стороны в сторону, не дают пить и есть, заставляют стоять на ногах...”

Что ещё придумает уполномоченный Исаков и введенские партийцы Крюков и Панченко? Каждый вечер они науськивают комсомольцев и каждый вечер истязают крестьян, вероятно, скоро будут применять те пытки, которые были при Иване Грозном и Бироне. Удивительно, как это не дерут мужиков розгами, как это было при Колчаке. Деревня стонет, дети и женщины плачут. А прокуратура глуха ко всем стонам и воплям..., она, видимо, потворствует этим палачам..., подрывающим Советскую власть.

Мы, рабочие, не потерпим издевательства над мужиками; мы сами такие же мужики, только вынуждены были бросить свои избы и пойти на работы, чтобы не подошли с голоду наши дети. Нас в центральных губерниях разорили, теперь добрались до сибирских крестьян, отобрали всё. Мы теперь лишены возможности послать лишний фунт сухарей нашим детям. Вот тебе и строим социализму, должно быть построим - сдохнем все!

Говорят, надо повышать урожайность, а пары не паханы. Мужиков загоняют в сельсовет и держат здесь всю ночь, а хлеб горит и ест его червяк. Панченко и Крюков машут кулаками перед мордами мужиков и научают комсомол щипать мужиков и тыкать их под бока... Увидели бы иностранные державы, как наши комсомольцы таскают за бороды крестьян, не считаясь, кулак он или бедняк.

Как же теперь крестьяне смотрят на партию и комсомол - это палачи, которые, не стыдясь, тычут

проволочными прутьями мужиков, вызывают их ночью на собрание вместе с детьми и заставляют детей теребить за бороды своих отцов. И это творится при советской власти. Ведь кто поверит этому? А между тем вопиющие факты требуют немедленного расследования...

Ведь теперь ни один крестьянин не постоит за Советскую власть, каждый её проклинает. Да кто же будет стоять за неё, когда мужика заставили дать обязательство, наложив на него 30 и более центнеров. И ведёт мужик последнюю лошадь на рынок, отдаёт её за полцены, бегаёт, ищет хлеба, а его на рынке нет. Придёт домой, в сельсовет показываться нельзя - в бока натычут. И что же делать? Бежит бедный мужик и толкает голову в петлю... Вот так дожили. Это страшно. Это стыдно за Россию!

Рабочие Шалаев Иван и Копкин Яков. Новостроящаяся дорога”.⁷²

Не выполняющим индивидуальные обязательства по хлебозаготовкам сельские комиссии объявляли бойкот. Общественный и экономический бойкот - достойное детище тех лет. В официальной трапезниковской редакции нашей аграрной истории бойкот выдаётся как стихийный взрыв негодования и всеобщего классового презрения к кулаку.

В действительности бойкот был целенаправленной и принудительно организованной травлей крестьянства, в которой отбрасывались элементарные правовые, моральные и нравственные нормы. Действовал один, роднящий нас с фашизмом принцип - цель оправдывает средства. В мужике добивали последние порывы думать и работать самостоятельно. Добивали в нём личность, готовя к бессловесной покорности государственного раба.

“Опубликовать его фамилию в окружной газете, запретить отпускать ему товары, запретить с ним всякие разговоры с населением, гнать его изо всех публичных и общественных мест”, - так наставлял своих подчинённых уполномоченный Курганского окружкома ВКП(б) поступать с зажимщиком хлеба. В деле глумления над крестьянством большевики повсемест-

но проявляли недюжинную изобретательность и сноровку.

Начинали, как правило, с запрета общения с бойкотируемыми. Буквально всем жителям села запрещалось под страхом наказания разговаривать с отверженными. Сразу отметим, что многие формы бойкота распространялись на всех членов семьи. В случае нарушения нарушений наказывались обе стороны. Деревня униженно замолчала. Соседи перешли на конспиративный шёпот.

Это был, так сказать, общий фон, на котором выписывались пикантные частности. Комсомолия, доводя обструкцию до совершенства, забивала окна и ворота в домах бойкотируемых, затыкала дымоходы, портила колодцы. Травили односельчан, как крыс. Ежегодно устраивались шумные демонстрации. Подростковая дурь стала политической модой. Бойкотируемые были беззащитны перед поощряемым властями подростковым хулиганством. Любой ответ на репрессии и произвол тенденциозно квалифицировался как кулацкий террор и заносился в большую партийную историю.

Благодаря классике соцреализма в широких её проявлениях - в кино, литературе, живописи - комсомолец тридцатых годов предстаёт в нашем воображении восторженным иноком революции, по-детски чистым и до слёз жалости беззащитным перед слепой кулацкой жестокостью. В театре политических теней, выдаваемом за нашу историю, фальшивы не только декорации, фальшивы его герои и сюжеты.

Закончу мысль о молодёжи. Не идея руководила поступками молодых. Политические бандиты толкали в спину малолетнего хулигана, как давно принято в уголовном мире, "нарываться" на жертву. Чтобы потом, при малейшей ответной реакции, расправиться с ней в лицемерно-благородном заступничестве.

Детей бойкотируемых исключали из школы. Если запрещали это делать открыто, в школе создавали невыносимую для них психологическую обстановку. "Классовый враг в школе!" - шумела печать от стен-

ной до центральной. Затравленные дети порой публично отказывались от классово ущербных родителей.

Бойкотируемым, как политически чумным, запрещалось появляться в общественных местах. Воспрещались всяческие деловые контакты с односельчанами. В ряде мест запрещался выезд из села и даже приём родственников. В отчётах с мест попытки бойкотируемых отметить престольный праздник или справить религиозный обряд квалифицировались как политическая провокация. Короче, объём гражданских прав варьировался в зависимости от обстоятельств и настроения местных властей.

Хозяйствам бойкотируемых было повсеместно отказано в медицинской и ветеринарной помощи. Газеты печатали по представлению уполномоченных фамилии злостных зажимщиков, сопровождая информацию карикатурами.

Маразм крепчал. В мартовской сводке заготовок по Уралу отмечено, что методы общественного бойкота "признаются как лучшие, дающие наиболее существенные результаты... Имеется ряд примеров, когда при правильном применении бойкот действует на выброску хлеба не хуже статьи 107-й... Бойкотируемые, - даётся образец правильного применения, - в отдельных случаях лишаются рассудка, например, в Варгашах (Курганский округ) при объявлении бойкота одному кулаку он онемел и через сутки пришёл в себя, взялся за сортировку и вывоз хлеба". "Мы тебя так будем бойкотировать, - любили говорить наши сельские активисты, - что скоро могилой запахнет".⁷³

Ещё более существенные результаты принёс экономический бойкот. Тут было полное разнотравие подлости: отбирали покосы, отказывали в приёме скота в общественное стадо, начали переселять бойкотируемых на худшие земли, что нашло широкое применение по всему Уралу. Челябинский, Тюменский и другие окружкомы ВКП(б) в нарушение Декрета о земле рекомендовали даже отбирать землю у зажимщиков хлеба.

Окончательно подрывало волю хозяина исключение из кооперации и связанный с этим запрет на по-

купку товаров, исключение из земельного общества, лишение кредита. Селькредитсоюзу запретили выдавать ссуды бойкотируемым, вне зависимости от того, являются они пайщиками ссудокооперации или нет. Нарушивших запрет отдавали под суд. В мае двадцать девятого банку приказали немедленно и досрочно взыскать с кулаков ссуды. Более ста местных представителей Селькредитсоюза на Урале были отданы под суд за халатное отношение к делу и примиренческое отношение к классовому врагу. Большевики судили экономистов за то, что те давали кредит хозяйствам, способным его вернуть.

Летом того же года бойкотируемые хозяйства были лишены государственного страхования и всяких форм технического и агрономического обслуживания. Примерно в то же время было отказано в праве пользования лесами. В целях ограничения воспроизводства в указанных хозяйствах запрещалось индивидуальное строительство и приобретение сельхозмашин. Более того, начался массовый принудительный выкуп у крепких хозяйств сельхозмашин и оборудования по переработке сельхозсырья. В случае отказа в продаже надлежало имущество конфисковывать.

Репрессированным хозяйствам, сожалели агрокомиссары, иногда удаётся обойти меры бойкота. Система родственных и личных отношений деревни часто обращена на тайную помощь бойкотируемым. В некоторых сёлах подозревалась круговая порука населения, которое явно спланивалось против всех мероприятий властей.

Естественно, происходящее поставили в вину кулачеству. Для пресечения организованного сопротивления наиболее дружные населённые пункты переводились в режим общего бойкота. Садил на голодный товарный паёк целые деревни, применяли и другие доступные кары.

Общественно принудительные меры воздействия создавали благоприятный психологический климат для прямого произвола, который оставался самым эффективным средством заготовок. Комиссии вновь пошли по домам, теперь уже никого не пропуская.

Это называлось самопроверкой. На руках были индивидуальные, вымолоченные из мужиков обязательства, на спиной мощная поддержка партийного руководства и судебно-репрессивных органов.

“Добиться от середняцкой части населения, - настаивал Уралобком ВКП(б), - выполнения своих обязательств по мобилизации заданий комиссии по заготовкам. Усилить нажим на злостных неплательщиков хлеба - кулаков”. Обострение классовой борьбы, подавал в хвост Наркомюст, - вызывает необходимость усиления репрессий. “Войти в соглашение с местными органами ОГПУ на предмет максимально быстрого проведения следствия по этим делам... Необходимо усилить судебные репрессии со стороны органов пролетарской власти”.⁷⁴ К чему призывали сотрудников ОГПУ, можно только догадываться.

“Осуждено 29 человек, конфисковано 13 009 пудов хлеба, - цитирую один из подробных реестров награбленного, - 125 кг шерсти, 2 амбара, 1 баня, 1 лошадь, 2 коровы...” Пожаром понеслась над Уралом скорая конфискация. Мужика обирали под корень. Брали всё, что хоть в какой-то мере удовлетворяло ненасытный государственный рот. Назавтра эти амбары и бани продадут за бесценок, чтобы выручить несколько жалких рублей. Принудительно продавались даже индивидуальные посеы, в некоторых районах возникла проблема обратного завоза зерна для продовольственного снабжения обчищенной с осени бедноты и для посева.

В каждом дворе заготовителей встречали не хлебом-солью. Никто не протоколировал драм, разворачивающихся на каждом дворе. Но что они были - свидетельствует возросшая масса судебных разбирательств. Озлобленные хозяева оскорбляли активистов иной раз словом, а чаще оказывали прямое сопротивление. Революционная законность квалифицировала первое по статье 58-й, дробь десять, второе - по статье 61-й УК РСФСР.

Политическая 58-10, карающая за контрреволюционную пропаганду, гарантировала срок заключения не ниже шести месяцев. Матери, казалось бы, маро-

дёрв в хвост и гриву на все полгода. Как бы не так. Напомню тому, кто забыл, что эта статья не имеет верхнего предела, а с формальной стороны упирается в вышак. По ней проходили самые надёжные клиенты ГУЛАГа. Прозаическая шестьдесят первая сулила за сопротивление властям лишение свободы на два года с конфискацией имущества.

Проведём небольшой практикум. В одном дворе активиста-комсомольца встретили такими словами: "Ты ещё молод забирать у нас хлеб. Тебе нужно учиться у нас, как вести хозяйство. Вы научились только разрушать. Тебе нужно присматриваться к другим. Ведь умные люди отходят от коммунистов. Смотри - Бухарин, учёный человек, сам ушёл от коммунистов, особенно от вашей пятилетки".⁷⁵

Что полагается не в меру образованному хозяину? Правильно! Пятьдесят восьмая. Это ему и припаяли

Другой пример. "Обрабатывали" двор крестьянки Марковой Федоры в Лопатинском районе. Хозяйка-одиночка, имеющая лошадь, девять десятин посева и четырёх детей, выказала властям решительное возмущение. Не без мата. Члены комиссии в превентивном порядке изолировали её в сарай. Выбравшись оттуда, она ударила палкой по рукам уполномоченного, выгребаящего из сусека зерно. Успокоить её удалось только угрозой оружия.⁷⁶

Как бы вы квалифицировали действия Марковой? Совершенно верно! Два года лишения свободы. Предельный срок по статье 61 УК. Правда, активистам объявили административное взыскание за угрозу оружием. И поделом! Не могли справиться с бабой без нагана.

А теперь для разрядки "весёлый" факт. В деревне Тюменёвой Белозерского района уполномоченный по заготовкам Бухаров (далее изложение по тексту документа) "посадил кулака Бояркина в чужой дом, а сам с пятью человеками пошёл к его жене спрашивать, где хлеб. Один из них незаметно залез на полати., а остальные, поговорив, ушли. Бояркин, пришедши домой, сходил за соседом и оставил его у окна, а сам вошёл в дом.

Через некоторое время сосед постучал в окно и закричал: "Горим!" Сидевший на полатах бросился бежать. Бояркин с криком "Караул!" бросился за ним. Коммунист Ильин догнал Бояркина, повернул за шпорот лицом к себе, наставил револьвер в лоб со словами: "Чего орёшь?" Бояркин остоленел и закричал: "Не буду!" У Бояркина в его отсутствие был найден тайник двадцатого года, но хлеба в нём не было обнаружено".

Тут заготовители опростоволосились. От позора спасла решительность коммуниста Ильина. В других местах подсадных использовали куда лучше. В Батунском районе, например, нищие "агенты" торговались на покупку хлеба по договорной цене, а затем, на пунктах развеса, продавцов заставляли сдавать по государственной цене.

С особым азартом трясли духовенство. Оно, если помните, по социальному положению нормативно было приравнено к кулакам. В деревне Сычёво Варгашинского района имущество попа Ивашенко конфисковали, а в дом въехал председатель сельсовета. Поп с горя умер. Лопатинского попа Семёнова обложили палогом в 500 рублей, а за клевету на марксизм добавили ещё столько же. В сообщениях ГПУ констатируется неожиданно печальный факт - гонения на попов укрепляют в народе веру.

Когда брати было нечего, измывались идейно. В Давыдовке (Курганский округ), где и сейчас стоит одна из красивейших церквей Зауралья, председатель сельсовета предложил попу проповедовать, что бога давно нет. В противном случае служительню культа грозило выселение. Батюшка остался верен богу.

В деревне Озёрны Звериноголовского района местному попу сказали: "Ходить с крестом по деревне мы тебе не дадим, потому что вы разносите сифилис". "Мы тебя упекём, - выразил своё особое мнение избач, - ты контрреволюционер и разводишь здесь контрреволюцию. Нам диктуют из Москвы, что церковь контрреволюционная организация и с ней надо бороться". На возразившего было попа наложили разовый налог в 40 рублей и закуску, обязав погасить сие в

два часа. Затем под угрозой оружия заставили принести ризу, подрясник и крест для антирелигиозного спектакля.⁷⁷

Огненные сполохи антирелигиозного шабаша метались над всей страной. Самые воинствующие атеисты взрывали церкви и сбрасывали колокола, планируя на этих развалинах воздвигнуть ошеломляющие символы новой веры. Боязливые сельские активисты, в чьих душах ещё не выветрился религиозный дурман, пытались привлечь к делу заготовок силы небесные. В селе Травянном Челябинского округа уполномоченный РИКа и председатель сельсовета вызвали к себе попа и приказали ему в церкви с амвона призывать крестьян к сдаче имеющегося у них хлеба. При этом выработали ему особый конспект для руководства.

Весь 1929 год зауральская деревня находилась практически в состоянии войны с государством. На каждый акт сопротивления власти находили более хитрый и жестокий ход. Из некоторых районов и округов замордованное население стало потихоньку сниматься и уезжать поглубже в Сибирь, Киркрай, в тайгу. Реальной становилась угроза организованного сопротивления деревни.

В августе Советская власть вновь впала в муки совести. В директивах лицемерно осуждалось массовое применение статьи 61-й, распродажа отнятого имущества за бесценок, большое количество штрафов, которые одновременно налагались и в судебном, и в административном порядке, продажа посевов за долги и многочисленные аресты.

Характерный пример. При проверке деятельности Мишкинского районного нарсуда установлено, что за период с 1 января по 1 октября 1929 года среднемесячно проходило 119 дел по статье 107-й УК. Более тысячи осуждённых только по одной статье! "Нарсудья и секретарь, - излагается в отчёте комиссии, - как правило, последние два месяца работали непрерывно без дней отдыха с 8-9 часов утра до 2-3 часов ночи. Во время заседаний нарсуда чувствовалась усталость нарсудьи до того, что при ведении следствия

у него, так сказать, язык заплетался, а граждане в таше суда спали... И всё же остаток дел на 1 января 1930 года в Мишкинском нарсуде - 215, то есть полугорамесячная норма".⁷⁸

Бедные инквизиторы сталинизма! Сотрудники ОГПУ валились с ног в бесконечной погоне за классовой нечистью, уполномоченные рисковали получить по загривку, шаря по незнакомым амбарам, судьи теряли ощущение времени, разменивая столетия на сроки заключения. Последним надо было ещё блюсти резолюцию второго совещания областных и краевых председателей судов, прокуроров и нарком-юстов автономных республик, которая сформулировала основной принцип советского правосудия - "минимум формы, максимум классового существа".

Минимум формы. В товарищеском письме председателя Версуда отмечалось, что в Шадринском и Курганском округах дела по 58-й статье проводятся без вызова свидетелей, без сверки показаний, следствие стало пустой формальностью. В материалах областного суда указаны факты приведения в исполнение приговоров к высшей мере наказания без утверждения ВЦИК, а только на основе приказа председателя окружного суда. Пренебрежение процессуальными гонками открывало дорогу произволу судов и сельских комиссий, направляющих дела на судебное расследование.

Когда шадринский прокурор Архиповский призвал к соблюдению законности на хлебозаготовках, он натолкнулся на стену открытой ненависти со стороны партийных уполномоченных. "Прокуратура считает наши групповые собрания арестами, - злился один из заготовителей, - нет ничего удивительного, что мы над кулаком обсуждаем по 5-6 часов этот вопрос... Превращать революционную законность в защиту кулака - это есть преступление". На специальном совещании решили, что советская прокуратура должна поддерживать настоящих большевиков в любой ситуации.

Надвигалась третья чрезвычайная кампания заготовок. Ужесточение репрессий гнало страну к граж-

данской войне. Крестьянин держался за свой хлеб отчаянно. Некоторую часть деревни в 1928 году удалось пристегнуть к кампании заготовок по обману. Не отбросишь и материальный интерес, 25 % изъятого хлеба распределялось среди бедноты. Так что под деревенским революционным энтузиазмом стоял примитивный желудочный позыв.

Летом 1929 года деревня значительно поумнела, и мужиков травили как крыс общественным бойкотом да карами судебными. Экспромт чрезвычайщины изживал себя. У каждого большевика на душе становилось скверно от мысли, что снова весь год придётся болтаться по деревням, шариться под плач семьи в амбарах и тайниках, ночами, не досыпая, пытаться упрямых мужиков и ежеминутно ждать расплаты.

Хотелось к спокойному берегу, либо вернуться к относительно сытому рынку, либо, если уж верхи так запоносились социализмом, кастрировать мужика совсем. Выбить из него наглухо частный интерес. Но для этого маловато будет деревенской шобы даже с агрокомиссаром впереди. Тут требовалось учреждение основательное и надёжное, как тюрьма...

Рождество колхозное

Учение Маркса всеильно. Так оно и вышло, пока занимаешься конфискацией, всё вроде бы движется в сторону коммунизма. Но классики марксизма смертны, и это до обидного хреново. Убрались, дав потомкам только азы. Про экспроприацию сказано изумительно, но колхоз, к примеру, совсем не прописан. Российская деревенщина, между тем, сразу же выбилась из исторической колеи. Была замечена контрреволюционная закономерность - чем больше хлеба сдираешь в заготовки, тем меньше его сеют следующей весной. Если считать наперёд, выходит так - скоро незачем будет ехать на деревню и нечего кусать. Мысли классиков о том, что труд в социализме станет свободным, и вовсе сбивали с панталыку.

Осенью двадцать девятого агрокомиссары приезжали на село не в духе. На инструктаже в парторганах рекомендовалось быть ярым большевиком. В помощь идеологическую им дали по директиве Наркомторга и прокурора республики. "Сельские сходы, - разъясняет бумага, - распределяют на общем собрании количество хлеба по отдельным мощным (кулацким) хозяйствам. Сходы же выделяют из своей среды особые комиссии, на которых лежит выполнение плана заготовок. Эти комиссии обладают правом наложения административных взысканий на лиц, не сдающих хлеб в указанный сходом срок, в размере до 10 рублей штрафа, а также и предавать упорствующих суду... При наличии отказа комиссия передаёт дело в суд для привлечения

виновного по статье 61-й УК. Отказом считать как прямой отказ, так и факт повторной несдачи в назначенный срок... Суды должны практиковать в качестве меры репрессии наложение двойного размера количества хлеба с последующей продажей имущества в случае невзноса...

Приговор приводится в исполнение без всякого промедления... Члены комиссии в случае халатного отношения и бездействия подлежат ответственности по статье 111-й УК как должностные лица... Местные органы власти и уполномоченные должны всем мероприятиям по выполнению планов хлебозаготовок придавать широко обострённый характер".¹

Директива смотрела в прошлое и вряд ли чем могла помочь. Хотелось чего-то свеженького, чтобы напуганный до поноса мужик сам выносил за ворота искомое, чтобы в проклятую деревню забыть навсегда дорогу. А пролетарское государство всё ещё морщило лоб в идеях. 28 июня, наконец-то, ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление "О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов".

Документ был последним приступом демократической грыжи, так как расширял права только в репрессиях. "В целях обуздания кулацко-спекулятивных элементов" сельским Советам предоставили налагать штраф "в пределах до пятикратного размера стоимости подлежащего сдаче хлеба, с применением в случае необходимости продажи с торгов имущества соответствующих лиц". Вслед за указанным документом по уральским весям разлетелась телефонограмма обкома ВКП(б), повторяющая слово в слово сказанное Москвой, но с добавлением злости.²

Пятикратка сразу получила широкое применение, именно потому, что по сути была ультимативным средством, наложение пятикратного штрафа означало смертный приговор единоличному хозяйству. Это был удар не по мешку, а по ослу. По крестьянской недвижимости, нажитой целыми поколениями. Угроза потери всего имущества, по соображениям Советской власти, должна была заставить мужика сдать налич-

ное зерно и впредь не сокращать производства. Если что-то не так, пусть пеняет на себя.

Как это делалось? А вот так.

"Постановление Марковского общего собрания граждан и постановление президиума Марковского сельсовета от 6 июля 1929 года.

Произвести взыскание штрафа в сумме 630 рублей с отражением на имущество через отчуждение и продажу с торгов нижеследующего имущества, принадлежащего Носкову Петру Ивановичу (за несдачу излишков хлеба в количестве 18 центнеров).

Амбар один	75 руб.
Машина-жатка	130 руб.
Молотилка	70 руб.
Веялка	40 руб.
Ходок	30 руб.
Комод	7 руб.
Подушки 4 шт.	8 руб.
Пальто сук. на меху	50 руб.
Тулуп овчинный	10 руб.
Гармошка двухрядка	25 руб.
Лошадь рабочая	65 руб.
Лошадь нерабочая	65 руб.
Корова дойная	40 руб.
Корова молодая	15 руб.

Продажу вышеуказанного имущества с торгов поручить председателю Марковского сельсовета с начислением из вырученной суммы 25 % в фонд кооперирования бедноты и 75 % для перевода Госбанка наличными деньгами".³

Разберёмся в преимуществах нового этапа деревенской демократии. Раньше имущество недоимщика изымалось через суд, что весьма утомительно. Теперь никакой процессуальной волокиты, достаточно на тетрадном листочке накатать постановление "президиума" сельсовета. Всего-то делов! Как в нашем примере. Протокола собрания в деле нет, сказано же в Москве - предоставить право сельсоветам.

Кроме того, в распоряжении местных властей оставалась четверть суммы, вырученной от продажи чужого добра. Раньше оставляли четверть награблен-

ного хлеба при условии выполнения плана сдачи. У наших активистов к куску хлеба добавился устойчивый наличный заработок, подлость стала хорошо оплачиваемой услугой. Деревенский пролетарий оформился как класс и перешёл на содержание, от него требовалось лишь одно - чужим хлебом или деньгами закрывать плановые хлебозаготовки.

Крестьянская недвижимость надёжно оседала в коммунах имени Ленина, имени Сталина, имени Калинина... В случаях, когда население не могло или не хотело покупать награбленного, самое ценное передавалось по акту на баланс прозябающих коммун с трансформацией суммы в долги. Расторопная сельская общественность примеривала свежесконфискованные полушубки и суконные пальто на меху. А пострадавшие били челом во все инстанции советской и партийной власти.

Заглянем через чиновничье плечо в одну из жалоб, написанную, к примеру, Скутиным Иваном. Документ был отправлен на имя председателя Уралоблисполкома. «Согласно протоколам общего собрания граждан деревни Вехти Костылевского сельсовета, состоявшегося 7 июля 1929 года, на меня была наложена контрольная цифра по выполнению плана хлебозаготовок в размере 150 пудов, а так как я хлеба в наличности не имел, то было постановлено оштрафовать меня в пятикратном размере как злостного держателя хлеба, после чего была произведена опись, а затем и продажа моего движимого и недвижимого имущества на сумму 1 054 руб. 03 коп.

Таким образом, при девяти едоках я остался в одной избе, так как были проданы с торгов все надворные постройки, инвентарь, кузнечный инструмент, скот, домашняя утварь и прочее.

Означенные постановления о продаже я нахожу в корне несправедливыми, неправильными и подлежащими отмене по следующим основаниям.

1. Я хлебороб, трудовик-середняк, в сем году веду посев 13 десятин, зажимщиком хлеба меня называть нельзя, ибо хлеба у меня в действительности не было, что прекрасно знает комиссия содействия по заготов-

кам. Государству я сдал в текущем году 310 пудов хлеба, спекуляцией хлеба никогда не занимался, наёмной рабочей силы никогда не имел и обрабатывал сельское хозяйство исключительно только своим личным трудом, что могут подтвердить все односельчане и соседи.

2. Имею кустарную кузницу, в которой обслуживал бедняцкое и середняцкое население, хотя в очень малых размерах, за очень низкую плату.

3. При мне находится сын, окончивший действительную воинскую службу в Красной Армии.

Справедливо ли поступлено со мною со стороны уполномоченного по заготовкам, под натиском и давлением которого было абсолютно разорено всё моё хозяйство, а также продано всё имущество? Оставить в одной избе с девятью едоками и не имея хлеба. Могу ли я развивать в будущем своё хозяйство? Ясно, нет. А директивы рабоче-крестьянского правительства и центральных органов диктуют только за сдачу лишнего хлеба. Однако здесь - в деревне, в глуши - эти директивы нарушаются и извращается политическая линия, делаются перегибы.

Я всегда шёл и всегда иду навстречу всем мероприятиям, проводимым партией и Советской властью, выполняю все налоги в срок и полностью, а потому нахожу, что со мной поступили незаконно...»⁴

Далее земляк приводит в оправдание собственные расчёты и взывает к революционной справедливости. И она восторжествовала. Из облисполкома жалобу направили в округ, где она пролежала два месяца. Оттуда её переслали в Куртамышский райисполком, тот - в Костылевский сельсовет, по решению которого Ивана Николаевича и обобрали. Оставаясь верным себе, сельсовет дал в область лаконичный исчерпывающий коллизии ответ.

«Справка сия дана на гражданина села Вехти Куртамышского района Скутина Ивана Николаевича в том, что его хозяйство является кулацким и был обложен индивидуально пятикраткой. Семейное положение - 9 человек. Имущество: дом, рабочих лошадей - 1, коров - 1. Остальное имущество продано. До ре-

волюции занимался торговлей, после революции тоже. В настоящее время сослан в Сибирь, что и удостоверяется".⁵

Я не мог найти сводных отчётов о применении пятикратки. В документах встречаются лишь эпизодические картины поборов. Подозреваю, их не было вовсе. В самые отчаянные головы приходило осознание катастрофических последствий хлебозаготовок и личной ответственности. Это понимание связывало руководство строгой секретностью отношений. Любые сведения общего характера, дающие подлинную картину творимого, были нежелательны к разглашению. Сколь-нибудь достаточной информацией располагало только партийное руководство. Отчёты о состоянии народного хозяйства и особенно аграрного сектора шли с грифом "секретно". А общественность поили статистическим опиумом, навевающим радужные иллюзии о наших неоспоримых преимуществах перед всеми и во всём.

Основательный грабёж деревни начался "демократическим" налогом самообложения и займами, "выпущенными по требованию рабочего класса и трудового крестьянства". Хозяина оставили без копейки и в паутине недоимок. В принудительных хлебозаготовках социалистическая демократия прикрывала разорение дотла. В конце двадцать девятого власть понимала, что грабит единоличника, может быть, в последний раз; тех, кто мог работать и производить товарный хлеб, пустили по ветру. Старый строй разрушили до основания...

Апофеозом предколхозной жестокости стало широкое применение внесудебных репрессий, проводимых по линии ОГПУ. Судебная машина оказалась неспособной ни к масштабам, ни к тому уровню жестокости, который требовался для обращения в рабство целого народа. "Правительством поручено НКЮ и ОГПУ, - цитирую строго секретный циркуляр Наркомюста № 22/сс от 5 октября 1929 года, - усилить меры репрессии вплоть до расстрелов в отношении кулаков и других контрреволюционных элементов, ведущих борьбу против мероприятий Советской вла-

сти... В отдельных случаях, когда действительно требуется немедленная реакция, репрессию надо проводить через органы ОГПУ".⁶ По классической причине я не располагаю статистикой скорых расправ над теми, кто защищал свой двор до конца.

И ещё один документ вдогонку уходящей эпохе. В ноябре 1929 года циркуляром Наркомюста определялось, что "осуждённые следственными органами РСФСР к лишению свободы на сроки три года и выше подлежат передаче, как в настоящее время, так и впредь, для отбывания срока лишения свободы в исправительно-трудовые лагеря ОГПУ... В соответствии с этим ОГПУ обязано произвести расширение существующих уже ИТЛ и организовать новые ИТЛ".⁷

Дело ставилось по-сталински основательно и секретно. Через полгода ГУИТЛ ОГПУ обретёт новое приличное имя - ГУЛАГ, который со временем даст метастазы в каждый угол страны, объединит в архипелаг концентрационные лагеря ОГПУ СССР с лагерными системами республиканских НКВД и НКЮ. Вкупе с колхозом ГУЛАГ определит менталитет, лучше сказать - типичную конституцию ума и осязания соотечественника до конца двадцатого, по крайней мере, столетия. Заключённых, втуне знали тогда большевики, скоро будет очень много. А вслух запели о социалистическом крестьянском рае - колхозе.

В год "великого перелома", как с лёгкой фразы Сталина называют двадцать девятый, Урал не выполнил планы заготовок сельхозпродукции. Не спасло принудительное изъятие у крестьян хлеба и скота по договорам контрактации. Ещё весной уральские крестьяне говорили, что крепкие хозяйства боятся сеять, середняки сеют только для себя, а бедняки надеются на государство. Цены свободного рынка за два года подскочили в 6-12 раз. Население городов село на карточную систему распределения продовольствия.

С детских лет мы до автоматизма заучили, что коллективизация - золотая страница нашей революционной истории, которую открыл 15-й съезд ВКП(б). Мы гордились колхозом и высокомерно жалели ос-

тальной мир, безнадежно отставший в деле социального переустройства деревни...

Не надо было нас выводить из инкубатора! Мы же стали колхозниками натурально. До сей поры стояли бы в очередях за куском хлеба, обратом, ливерной колбасой (ветеранам вне очереди), полагая, что остальной мир не видит даже этого. Строили бы экономную экономику. Взгляд в сторону разрушил всё. Рухнули, словно от подземного толчка, колосс Союза, Советская власть, ГУЛАГ и основа отечественного социализма - колхоз.

Не очень жалко СССР, пролетарски нищие республики в дырявых суверенитетах уже сбиваются, как беспризорники, в кучу. Посмотришь в телевизоре на заседания Госдумы и будто на коммунистическом субботнике побывал. Вот колхоз действительно помер. Как социалистическое предприятие скончался, а капиталистическим не воскрес. Помянем документальным словом светлое рождество колхозное.

В 1929 году не было ни технических, ни экономических условий для радикальных преобразований в деревне. Укрупнение хозяйств не могло дать экономического эффекта, порождаемого кооперацией труда, ибо основной тягловой силой оставался рабочий скот. По этой же причине исключалось резкое расширение посевных площадей. О животноводстве и говорить не стоит, даже в развитых странах редко применялись технологические процессы промышленного производства. Обобществление скота обещало лишь массовую вспышку эпизоотий и падёж, это и случилось. Единственный экономический довод принудительной коллективизации - заставить крестьян производить хлеб. Система единоличного хозяйства работает эффективно только в рыночных условиях, принудительные заготовки убили интерес к производству.

Идея наших колхозов родилась не в головах учёных. Им предоставлено лишь обосновывать содеянное. Отсюда изощрённость слов и интеллектуальная дистрофия общественной мысли. Более полувека официальная историческая (экономическая тоже) наука любит в кривое зеркало истины - сталинскую

идеологию. "Система мелкотоварного хозяйства, - пишут авторы академического издания "История социалистической экономики в СССР", инстинктивно льстя покойному диктатору, - исчерпала свои возможности, она больше не в состоянии была обеспечить потребности страны. Наиболее остро ощущалось отставание производства товарной продукции сельского хозяйства, которая шла на удовлетворение потребностей населения городов в продовольствии..."⁸

Вот как? Исчерпала, значит, себя, выдохлась... Будто не колхозы затащили нас в страшный голод начала тридцатых. И история появления продовольственного дефицита совпадает со временем коллективизации совершенно случайно. И миллионы тонн зерна мы покупали не в странах, где это мелкое товарное хозяйство махрово процветает. В том же 1928 году, могли хоть этот факт учесть, проведя всесоюзно-подворный шмон, насобирали 664 млн. пудов зерна против 619 млн. пудов, заготовленных в 1927 году. Был хлеб-то. Вот товарности не было. А зачем продавать, спросил бы мужик в лоб генералов от науки, чтобы купить облигации? Колхозы государству любы тем, что там всё прогрессивно наоборот: была товарность, но не оставалось хлеба.

На протяжении всей писаной истории, сказал один очень умный англичанин, было чрезвычайно опасно пристально вглядываться в механизм действия собственного общества. По-русски сказать проще. Не академическое это дело - копаться в истине. Прикажут - и напишем.

Колхоз создан большевистским хозяйственным экспромтом. Понимая нарастающую сложность посевных кампаний и заготовок, партия пошла на создание директивной системы аграрного производства. Чтобы впредь не воевать за хлеб на каждом крестьянском дворе, властям нужна была такая хозяйственная единица, которая бы полностью подчинялась государственной экономической дисциплине, но не висела бы на шее.

Наиболее подходящей организационной формой выглядел колхоз. Нет, не из экономических условий и

эффективности крестьянского труда. С точки зрения государственной эксплуатации. В самом деле, основанный на обесцвеченном имуществе, колхоз создавал видимость полной хозяйственной самостоятельности. С другой стороны, будучи привязанным к государству системой обязательных поставок по диктуемым ценам, он находится в полной зависимости. Единоличник, став колхозником, превращался по существу в государственного батрака, тягловую единицу.

Сразу должен сказать, что многие из названных черт приобретены колхозом в процессе эволюции. Эскизно, в тридцатом, идея колхоза была проста - заставить крестьян посеять как можно больше. Поэтому в первые годы кампании облавы проводились обычно по весне.

Творцы деревенского социализма сразу не промахнулись в одном (вот что значит классика!) - заложили в фундамент колхоза монолит общественной собственности, лишённой всяких личных претензий на долю. Никто не может претендовать на большее, чем трудодень. Отсутствие акций или простого стоимостного учёта личного трудового, имущественного и земельного дела делает продукт колхозного производства ничьим, вернее, его возьмёт тот, кто сильнее. В неделимых фондах общественной бесхозяйственности утонуло имущество выселенных. Гениальность классиков марксизма в изобретении экономического хитовика. Общественную собственность легко создать, отобрал и обобществил или национализировал. Но её, как показала ближайшая история России, совершенно невозможно справедливо разделить. Её можно только разворовать!

Обратимся теперь к руководителю авторского коллектива. "Рухнули и рассеялись в прах, - писал Сталин в статье "Год великого перелома" - утверждения правых оппортунистов (группа Бухарина) насчёт того, что:

а) крестьяне не пойдут в колхоз;

б) усиленный темп развития колхозов может вызвать лишь массовое недовольство и размычку крестьянства с рабочим классом;

в) "столбовой дорогой" социалистического развития в деревне являются не колхозы, а кооперация;

г) развитие колхозов и наступление на капиталистические элементы деревни может оставить страну без хлеба".

Нетрудно догадаться, почему "рухнул" буржуазный хлам Бухариных, Чаяновых и прочих. Мужика ни о чём не надо спрашивать, надо повелевать. Тогда социализм обретёт реальные черты. "Если развитие колхозов и совхозов пойдёт усиленным темпом, - вещал вождь народов, - то нет оснований сомневаться в том, что наша страна через какие-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире".⁹

Тут Иосиф Виссарионович промахнулся непоправимо. Теоретически он через полгода ужом вывернется своей статьёй "Головокружение от успехов", карающей за эти самые темпы коллективизации. Но практически... Разделим вину пополам с партией. "Решена историческая задача перевода мелкого, индивидуального, раздробленного крестьянского хозяйства, - сифонит резолюция январского пленума ЦК ВКП(б) 1933 года, - на рельсы социалистического земледелия, и СССР из страны мелкокрестьянской превратился в страну самого крупного земледелия". Сказано то было аккуратно в расцвет второй советской голодухи. Про миллионы вымерших от истощения в партийной истории ни гу-гу.

Гонку ускоренной коллективизации открыла указанная статья Сталина. Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) оформил этот курс директивно. "Колхозное движение, - патетически ввали на нём, - превратилось в широчайшее движение бедняцко-средняцких масс и встало на путь быстрого развития крупных колхозов и сплошной коллективизации целых районов и округов... Произошедший в широчайших массах крестьянства перелом в отношении к коллективизации сельского хозяйства в предстоящую весеннюю посевную кампанию должен стать исходным пунктом движения вперёд в подъёме бедняцко-средняцкого хозяйства и в социалистической перестройке деревни".¹⁰

О каком великом переломе, в самом деле, идёт речь? Какая нравственно-очистительная революция в душах “широчайших бедняцко-середняцких масс” сменила осенью двадцать девятого угрюмую озлобленность на политический восторг? Читатель, наверное, догадался, что “великий перелом”, “широчайшее движение крестьянских масс” и прочая экзотика есть лишь политические муляжи, превосходная степень идеологической лжи, маскирующая однозначный сталинский приказ - гнать мужика в колхоз. В планах первой пятилетки были заложены весьма умеренные темпы обобществления сельского хозяйства. Планы скорректировали, было предусмотрено закончить коллективизацию в основных зерновых районах в два-три, а в потребляющих районах - в три-четыре года.

Социалистическая перспектива деревни просматривалась с геометрической ясностью. Чем больше колхозов и размер последних, тем выше темпы социалистического преобразования и, следовательно, культурно-политического развития мужика. Дело, таким образом, упиралось в темпы. Исходя из выработанной концепции, наметили ускоренные темпы роста сельскохозяйственного производства.

На 1930 год запланировали увеличение посевных площадей на 10%, рост урожайности - на 8%, валового сбора зерновых культур - на 16,6%. В животноводстве планировалось расширение стада крупного рогатого скота на 4,5%, лошадей - на 3,5%. Мы ещё вернёмся к контрольным цифрам тридцатого, чтобы по существу и достоинству оценить мудрость нашей колхозной политики.

Кампания коллективизации сразу приняла суровый политический характер. Лиц, страдающих недугом экономического детерминизма, решительно изолировали от общества. Проведение кампании возложили на местные партийные и государственные органы, “бедняцко-середняцкий актив”, поднаторевшие в деревенской демократии и издевательствах над мужиком. Не доверяя на деле “широчайшим крестьянским массам”, партийные и советские органы установили жёсткие контрольные цифры коллективи-

зации. Жалобы с мест на отсутствие материально-технических условий для создания крупных хозяйств и откровенное сопротивление крестьянства рассматривались как правоуклонистское слюнтяйство и влекли соответствующие оргвыводы.

В сельскохозяйственных округах Уральской области кампания коллективизации развивалась zelo драматично. На октябрь 1929 года уровень коллективизации крестьянства составил всего 6 - 10%. По первоначально утверждённым контрольным цифрам планировалось вовлечь в колхозы к весне 1930 года до 30-40% крестьянских хозяйств. В последующие месяцы с ужесточением кампании контрольные ориентиры постоянно изменялись в сторону повышения.

Через три месяца после того пленума, вынесшего решение о массовой коллективизации, на Урале загнали в колхозы 74 % крестьянских хозяйств! На 25 февраля 1930 года уровень коллективизации составлял в Свердловском округе 72 %, в Челябинском - 69, Троицком - 71, Ишимском - 81, Ирбитском - 87, Шадринском - 72, Курганском - 78, Пермском - 77 %...¹¹ Теперь остаётся взглянуть на технологию пролетарского прозрения деревенщины.

Повторюсь про изощрённые методы заготовок, взимания налогов и недоимок, подписки на заём; всё это процветало и в светлые месяцы коллективизации. Хлебозаготовки приняли самые отвратительные формы. Несколько характерных примеров. В Качкарском районе уполномоченный окружкома ВКП(б) во время заготовок систематически пьянствовал, обычно в домах обвиняемых по статье 107-й - там лучше подавали. Набравшись, стрелял на улице из нагана, пытался изнасиловать свою квартирную хозяйку, пытал и топил в озере по несколько человек. Правда, в последнем случае архивный документ констатирует незавершённый образ действий.¹²

В селе Черешково Лебяжьевского района все хозяева, у которых, по мнению сельского Совета и комиссии содействия, имелись хлебные излишки, сидели на собрании несколько суток. Причём есть и спать не разрешалось. Некоторые украдкой спали и

уходили по одному есть, пока не было уполномоченного. На четвёртые сутки стало известно, что запреты не выполняются. Подопытных посадили на поляну перед сельсоветом и установили строгий надзор. Уполномоченный РИКа Чуев, подогревая страх, обещал: "Завтра из кулака будем кишки мотать до тех пор, пока не издохнет. А тогда на телегу и в яму".¹³

Не удивительно, что через полгода Лебяжьевский район стал лидером коллективизации в округе. С такими руководящими кадрами, лишёнными моральных предрассудков, деревню можно затащить хоть в ад при стопроцентном энтузиазме.

В деревне свирепствовала пятикратка. Сельские комиссии еле успевали оформлять дела в суд. В плотном потоке судебных дел всё чаще стали появляться необычные обвинения по статье 61-й УК РСФСР - "За отказ вступать в колхоз", "За бойкотирование коллективизации" или в более грамотной форме - "За оказание сопротивления властям", "За отказ от работ, имеющих общегосударственное значение".

С формальной стороны, придерживаясь буквы закона, отказавшегося вступить в колхоз не в чем обвинить. Но с точки зрения "классового существа", которым руководствовалось советское правосудие, такой человек есть преступник. Осуждение за сопротивление хлебозаготовкам не вызывало каких-либо процессуальных или моральных осложнений. В Курганском округе, например, за второе полугодие двадцать девятого осуждено по делам заготовок и коллективизации около девяти сот человек, среди них около трёх сот - по статье 61-й УК. Умножив окружающих арестованных на пятнадцать, получим зеков общеуральских.

Всё активнее в дело социалистического преобразования включались специалисты ОГПУ. За девять месяцев 1929 года, до начала массовой коллективизации, по области арестовано органами ОГПУ (по делам заготовок) около тысячи человек. Это помимо тех тысяч репрессированных, которые прошли в обычном судебном порядке.¹⁴

Мужикам хватило ума сразу схватить действительный смысл коллективизации. В по-военному создаваемых колхозах они не увидели ничего хорошего. Поэтому массового энтузиазма архивные документы совершенно не зафиксировали. Не было энтузиазма и единичного. Он прошёлся только по страницам газет и журналов, полностью контролируемых партийными органами. "Крестьянская областная газета, - писал в её редакцию читатель, - совсем потеряла авторитет перед крестьянством. Название этой газеты "Крестьянская", а как только помотришь в неё, в каждом номере высмеивают мужика-крестьянина. Только и звенит в ней о коллективизации и раскулачивании. Лучше бы писали о рассредоточивании..."¹⁵ Понятно, что этот материал не опубликовали. Но "отреагировали", переправив письмо в ОГПУ.

Вопреки официальной идеологической трескотне секретные информационные материалы ОГПУ отмечают резкое, даже опасное обострение политической обстановки в Уральской области осенью 1929 года. Антипартийные настроения отчётливо проявились во время празднования годовщины Октября. Собрания на городских предприятиях прошли вяло и были малочисленны. Лозунги и призывы звучали фальшиво. Рабочие открыто возмущались. "Зачем нам повышать производительность труда, - говорил на собрании рабочий тюменской электростанции, - когда нам платят гроши, а на базаре всё дорого - хлеба не купишь. Многие уже форменным образом голодают".¹⁶

Рабочие уже тогда разобрались, что к чему. "Наши партийные главари, - сказал (по доносу) один из свердловских рабочих, - Каменев, Рыков и Сталин, а также весь ЦК ВКП(б) боролись и продолжают бороться с оппозицией, но сами они находятся в оппозиции... Оппозиционеры ведут правильную линию, они вскрывают недостатки в партии и в общей работе".¹⁷

"Какая нужда у правительства, - подозрительно сомневался зауральский крестьянин, - гнать мужика в колхоз. Дать бы лучше возможность объединяться свободно мужикам человек по пять. Снабдили бы машинами, и тогда мужики обрабатывали бы землю

лучше, чем колхозы". "В колхоз не пойду,- заявил другой, - пока не буду убеждён в пользе коллективного труда".¹⁸ Пермский крестьянин писал Сталину: "В колхозы крестьяне придут все в лет десять-пятнадцать, не сразу, а когда убедятся на практике в выгодности колхозного ведения, у существующих колхозов дела идут плохо".¹⁹ На сей счёт у Сталина было своё и особое мнение. А письмо осело в областных партийных органах. Писали в ЦК партии, в газеты, рискуя попасть под подозрение в столь смутные времена.

На демократические формы вовлечения крестьян в колхозы рассчитывать было нельзя. Туда можно было загонять только страхом и силой. Правда, партийные документы внешнего потребления никогда не забывали подчеркнуть принцип добровольности колхозного движения. Но делалось это отнюдь не для практического его соблюдения. Тонкий лицемерный ход давал государственно-партийному руководству право обвинить при случае исполнителей в перегибах и нарушениях социалистической демократии.

В секретных партийных директивах идеологического жеманства было значительно меньше. В них преимущественно требовали неукоснительного исполнения, обставляя сие для гарантии угрозами и уловимыми намёками. Благородную редакцию этих документов задёрганное местное руководство узнавало позднее, чем прямого текста секретный подлинник.

Зловещим предзнаменованием новых подходов к коллективизации стала речь Сталина "К вопросам аграрной политики в СССР", с которой он выступил 27 декабря 1929 года на конференции марксистов-аграрников. "Характерная черта работы нашей партии за последний год состоит в том, - говорил Сталин, - что мы, как партия, как Советская власть:

а) развернули наступление по всему фронту против капиталистических элементов деревни;

б) это наступление дало и продолжает давать, как известно, весьма ощутительные положительные результаты.

Что это значит? Это значит, что от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы

перешли к ликвидации кулачества как класса. Это значит, что мы проделали и продолжаем проделывать один из решающих поворотов во всей нашей политике".

Планируя, что в 1930 году колхозы и совхозы увеличат объём товарной продукции по сравнению с 1929 годом в три с лишним раза (!), со 130 до 400 миллионов пудов, Сталин пришёл к выводу, что "теперь у нас имеется... материальная база для того, чтобы заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Именно поэтому наше решительное наступление на кулачество имеет теперь несомненный успех". И далее совсем решительно: "Наступать на кулачество - это значит подготовиться к делу и ударить по кулачеству, но ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги. Это и называется у нас, большевиков, настоящим наступлением".²⁰

Чтобы партийные органы не ошиблись в стратегическом направлении аграрной политики, Сталин позднее, в статье "К вопросу политики ликвидации кулачества как класса", разъяснял: "Нынешняя политика партии в деревне есть не продолжение старой политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни, а переход к новой политике ликвидации кулачества как класса".²¹

Приведённые сталинские цитаты есть, так сказать, теоретический первоисточник нового взрыва государственной дикости. Вслед тиражировались призывы к беспощадному террору. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года констатирует, что у партии есть "полное основание перейти в своей практической работе от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса". ЦК даже в лексике своих решений заискивал перед Сталиным. Передовая газеты "Правда" откровенничала: "Ликвидация кулачества как класса неразрывно связана с проведением сплошной коллективизации... Коллективизация не может успешно развиваться без наступления на кулака в форме раскулачивания. Раскулачивание в районах сплошной

коллективизации является сегодня составной частью образования и развития колхозов".²²

Раскулачивание. Жуткая страница нашей истории вытекала из политики насильственной коллективизации. Раскулачивание - санкционированное партией и правительством массовое разграбление наиболее крепких крестьянских хозяйств - не имело никакого положительного экономического смысла. К его началу подавляющая часть кулацких хозяйств была разорена предшествующими кампаниями хлебозаготовок, индивидуальным налогообложением, штрафами.

Кулака третировали уже в других целях - как мёртвую политическую куклу. Возведённая в степень жестокость, это просматривается в любом партийно-государственном документе, нужна была как чрезвычайное средство политического устрашения, причём для всего крестьянства. Пронёсшаяся смерчем вакханалия грабежей, насилия и глумления над личностью заставила задуматься каждого крестьянина. Коварный политический расчёт оправдался. Обложенный произволом, мужик выбирал из двух зол, казалось, меньшее.

Директивы о массовом раскулачивании в округах Уральской области прошли в двадцатых числах января 1930 года. На самом же деле раскулачивание вошло в практику местных властей с осени 1929 года. Местные революционеры еще до теоретических откровений Сталина уразумели, что загнать соотечественников в колхоз можно только сугубым страхом. "Директива о раскулачивании, - сообщает Ирбитский окружком ВКП(б), - была встречена с большим удовлетворением не только руководящими, но и низовыми практическими работниками, "измучившимися", особенно за последние годы, в борьбе с кулаками во время проведения разного рода хозяйственно-политических кампаний".²³ Теперь можно было вздохнуть свободно и вспомнить каждое злое слово в свой адрес.

Воодушевлённые практические работники рванулись в бой. Раскулачивание, доносили с передовой, положительно сказалось на темпах коллективизации.

Деревня стремительно попёрла в социализм. В каждом округе нашлось по несколько передовых районов, в коих намеревались к посевной тридцатого загнать в колхозы всех в поголовном учёте.

Живописуя детали колхозного строительства, Курганский окружком, к примеру, в феврале информировал центр, что в округе "коллективизировано 71 724 двора... Наряду с организацией колхозов произведено обобществление пашни - 677 550 гектаров, рабочих лошадей - 72 863, молодняка - 16 404, производителей - 603, дойных коров - 89 334, молодняка - 22 974, быков-производителей - 851, свиноматок - 2 579, молодняка - 1 193, хряков - 265, овцематок - 77 603, баранов - 759, домашней птицы - 306 433, из них гусей - 12 855, уток - 1 388, кур - 300 100".²⁴

Не стоит читать восторженные отчёты из других округов. Подвижники аграрного прогресса по всему Уралу под вой баб и собак, под мат мужицкий сгоняли в социализм продуктивную крестьянскую живность, по-хозяйски переписывали в неделимые фонды чужие амбары, постройки, инвентарь. Деревенские люмпены азартно гонялись по околотку за визгливыми кулацкими хряками и глупыми бедняцко-середняцкими курами. Уполномоченные, приходя живность и недвижимость, держались достойно великого дела.

Практика коллективизации в Челябинском округе интересна не только жестокостью. Специальным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 22 июля 1929 года этот округ был назначен опытно-показательным. С таким почётным титулом плестись в хвосте социалистической реконструкции ему не пристало. Пленум окрисполкома в январе 1930 года просто обязал все районы добиться к весне этого года стопроцентной коллективизации.

В порядке индивидуального творческого вноса в сокровищницу мирового революционного опыта был разработан, утверждён в инстанциях и пущен в дело эскизный проект образцового по постановке культурно-хозяйственного строительства фаланстера на базе Щучанского района. Поскольку вклад зауральцев в теорию и практику утопического социализма отражён

пока слабо, привожу основные конструктивные узлы эскиза.

“В перспективе село Щучье или Чумляк преобразуются в агрогород. Всё население района сосредотачивается в агрогороде, где организуется полное бытовое и культурное его обслуживание. Обслуживание ферм должно производиться путём периодической доставки рабочей силы из агрогорода...

а) Питание должно быть обобществлено путём организации на фермах общих столовых...

б) Организация ряда ферм с земельными массивами не менее 2000 га и количеством скота не менее 1500 голов... Населённые пункты менее 150 дворов постепенно ликвидируются.

в) В переходный период должно производиться укрупнение населённых пунктов.

г) При каждой ферме должны быть организованы бани и механизированные прачечные, пошивочно-починочные мастерские.

д) Водоснабжение ферм должно быть механизировано...

е) При каждой ферме организуется Дом культуры, в котором помещаются: библиотека, клуб, театр и кинематограф (передвижной или стационарный). В Доме культуры организуются курсы, лекции и семинары для повышения общеобразовательного уровня взрослых...

и) При каждой ферме организуются детсад, ясли, школа... В административном центре - районные школы крестьянской молодёжи и повышенные различные курсы для обучения взрослого населения...

к) В фермах на домовых участках должны быть разведены плодовые и ягодные сады, которые в пятнадцатикилометровой полосе от железной дороги должны принять полупромышленный характер, в остальных пунктах они могут иметь потребительское значение...”

Как образцовый район, Щучанский объединённый колхоз должен был давать экспортные продукты. Экономический фундамент сооружения рассчитали с инженерной точностью. Предусматривалось увели-

чить урожайность пшеницы в течение ближайших двух лет на 114 %, с 47 пудов с гектара до 100 пудов, ржи - на 106 %, овса на 121 %, картошки - на 106 %. В расчётах применялась новейшая методология, исходившая из примата целей над средствами достижения.

Далее эскиз административно проектируемого колхозного рая охватывает частности хозяйственного бытия вплоть до пчеловодства. Причём многое иллюстрируется графическими схемами. В концептуальном плане он смахивает на проект платоновской Градо-Чернозёмной области за исключением канала в Месопотамию для сбыта экспортной продукции. Вероятно, по причине большой удалённости от оной.

Желание довести коллективизацию до ручки обуюло местные власти. Некоторые районы, добежав до поголовного обобществления, пошли дальше и объявили себя единым колхозом-районом. Идея взорвалась почином, для принудительной коллективизации не было никаких границ. Политический абсурд могла остановить только директива. Пока таковой не было, инициаторов востро хвалили. Газеты всей силой печатного слова споспешествовали делу колхозного строительства, попутно матеря классовых врагов.

“Хитрые замыслы классового врага, - свежий газетный срез, - нужно опрокинуть и разоблачить ошеломляющей контратакой. В такой ответственный момент выполнения боевых производственных планов коммуны затягивать решительную схватку и церемониться с идеологически чуждыми элементами вредно. Шире разъяснительную массовую работу в коммуне! Беспощадный отпор безверию, отсталости, несознательности и контрреволюционным выступлениям! На стороне честных коммунаров “Розы” стоят великие силы советской общественности. Враг будет бит. Как мыльные пузыри лопнут контрреволюционные замыслы кулаков и их агентов, наткнувшись на стальные шипы социалистической “Розы”.”

События тут никакого не было. Мальчишка-корреспондент, вставший в творческий нервотряс, слепил то, что и заказывали. Макушинская коммуна “Роза”, о которой шла речь, дала дуба не под ударами

классовых врагов, а по причине хозяйственного слабоумия.

Позднее идею создания районных коммун и колхозов нашли политически ошибочной и даже вредной. Едят-то в таком предприятии все, это точно, и наоборот, совершенно не видно - кто же работает. Райбогательни запретили, их амбициозных прорабов легко отнесли к левым загибщикам. Согласно постановлению Уральского облисполкома от 10 марта 1930 года, критерием левого политического заноса признана "организация крупных колхозов и укрупнение существующих с охватом одного или нескольких административных районов при отсутствии хозяйственных и организационных условий для этого", а также "принудительное обобществление жилых построек, птицы, нетоварного продуктивного скота, домашней утвари и предметов личного пользования".

Осознание левого уклона пришло не само по себе. Накануне вышла статья Сталина "Головокружение от успехов", от которой пошла кругом голова. 43 общерайонных колхоза, созданных на Урале в угаре тотальной коллективизации, срочно пустили в камнедробилку. Вернули хозяевам оставшийся в живых, но страшно отощавший мелкий скот, птицу, часть личного имущества. Подробнее о том поговорим в следующей главе.

Реконструктивный зуд нашёл легальное выражение в организации крупных специализированных колхозов вроде Щучанского агрогорода. Ирбитское руководство решило удивить мир колхозом "Гигант", мобилизовав в него население нескольких районов. В Курганском округе спроектировали и обеспечили кредитами крупный огородный колхоз в Варгашах. Для этого "освободили" 20 тысяч гектаров земли, столкнув с ней прежних обитателей. Затем наметили строгую арифметическую прогрессию роста молочного стада. В 1929 году - 2 000 голов, в 1930-м - 3 000, в 1931-м - 4 000 голов.

Понимая, что не каждая корова выдержит темпы социалистического воспроизводства, в исходных документах заложили обнадёживающий тезис о привле-

чении резервов со стороны.²⁷ Раскулачивание открывало огромные возможности изыскания резервов, сравнимые разве что с природными богатствами опорного края державы и соседней тюменской тундры.

Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами. Мысль классическая. А массами, догадались классики тридцатых, можно овладеть силой. В диалектике силы и идеи виделся перпетуум-мобиле общественного прогресса. Тут важно, чтобы сила была пролетарской, то есть исключительно прогрессивной. Механики социализма начали раскачивать маятник принуждения и репрессий. С началом кампании массовых выселений бесплатной рабсилы местным властям хватило до лиха. Даже кроме тех миллионов, что сослали на Север и бросили в концлагеря.

Зимой тридцатого Уральская область превратилась в сплошную бойню. Крестьянство, напуганное принудительной записью в колхозы, конфискацией имущества и скота, начало срочно свёртывать производство. Нажитое годами продавалось за бесценок, что потом назовут провокационно - самораскулачиванием. Население двинулось в города и отдалённые углы России. Скот пошёл под нож. Только человек, познавший всю сложность крестьянского бытия, в состоянии осознать ту крайнюю степень мужицкого отчаяния, когда он забивал свою последнюю лошадь. Рабочую лошадь, на которой строил надежды на благополучие и о которой заботился больше, чем о себе.

Вам бы, упрямые защитники социализма, испытать "энтузиазм" человека, бросающего свой дом в злой безнадёжности. А заодно и оценить по достоинству гимны о "широчайшей поддержке" колхоза мужиком, бросающимся с топором на скотину, которую ваши герои уводили с его двора. Животных забивали, сплошь да рядом свидетельствуют оперсводки уральского ОГПУ, в самый последний момент перед мобилизацией в колхоз.

В информационной сводке Колхозцентра СССР и РСФСР от 11 января 1930 года отмечается повсеместно массовая распродажа и убой скота. Умышленно не

давая общей картины, документ приводит впечатляющие частные факты. “Убой и продажа скота приняли угрожающие размеры” (Московская область). “Под влиянием кулацкой провокации хищнически уничтожается скот в десятках районов области” (Западная область). “В весеннюю посевную кампанию не хватит для вспашки 110 тысяч лошадей. Городские рынки буквально завалены свежими тушами мяса, которое часто сбывается за бесценок” (Центрально-Чернозёмная область). “При явном недостатке в рабочем скоте для весенних работ наблюдается распродажа рабочих лошадей, верблюдов на убой” (Нижняя Волга).²⁸ Страна валилась в хозяйственную катастрофу, которая предопределила нищету нашу до конца двадцатого века.

Ещё в ноябре двадцать девятого местные власти Урала приняли жёсткие, вплоть до конфискации имущества, запреты на убой скота. Но вряд ли они могли остановить мужика, предчувствующего потерю всего со вступлением в колхоз. “Продавайте лошадей и коров, - летело от деревни к деревне, - а то будет колхоз, всё заберут туда!” Расправу с личным подворьем усугубили директивы о раскулачивании. Перед санкционированным партией государственным разбоем всё потеряло цену.

Перелом был явным. Деревенская экономика Урала и страны полетела в пропасть. Политический дурелом трёх лет коллективизации обошёлся региону в полтора миллиона забитых и заморённых лошадей, около двух миллионов голов скота и миллиона голов свиней. Однако мои расчёты по данным Нархозучёта ни в коей мере нельзя считать корректными.

Интересно понимание причин хозяйственной катастрофы. “Основным вопросом, - отмечено в обзоре “Продовольственные перспективы Урала (1930 год), - обостряющим продовольственные трудности на Урале, является всё ухудшающееся положение животноводства. В результате: 1) вредительских действий кулачества в деревне, частично увлекшего верхушку середняков на умышленное сокращение скота, 2) недостатка кормов в недородных районах Зауралья, 3)

неналаженностью во вновь организованных колхозах ухода за обобществлённым скотом...” Достаточно! Дальше идут мероприятия. О “руководящей” роли партии в провоцировании кризиса ни слова. Виноват кулак, забивший свою же скотину.

“Для скорейшего восстановления животноводства, - продолжаю цитировать обзор, - необходимо, начиная с весны 1930 года (фактически с осени), ограничить убой продуктивного скота..., использовать максимальные восстановительные возможности сокращающегося стада”.³⁰ С этого исторического момента мужик уголовно отвечал за благополучие телёнка на собственном дворе. Колхозы и совхозы получили святой, как полковое знамя, показатель выходного поголовья. Полудохлую сухостойную общественную корову следовало сохранять в живых ради статистического благополучия.

“Великий перелом” легко сломал вектор душевого потребления мяса в регионе. В 1924 году на средне-статистическую душу приходилось 12,3 кг продукта в год, в благополучном 1928-м - 17,5 кг, а в переломном 1931-м - только 7 кг.³¹ Впереди у Урала и всей страны просматривалась долгая постная история. Аграрные программы и директивы по развитию животноводства съели миллиарды рублей и мегатонны макулатуры. Всё зря. Отечественный социализм отдал богу душу вместе с неосуществлённой мечтой о куске натуральной копчёной колбасы.

В январе тридцатого ВЦИК и СНК СССР приняли постановление “О мерах борьбы с хищническим убоем скота”. Документ подписан Калинин, Рыковым и Енукидзе. В целях борьбы с массовым убоем своего скота, который стандартно квалифицируется как кулацкое вредительство, райисполкомам предлагается “лишать права пользования землёй, а также конфисковать скот и сельскохозяйственный инвентарь тех кулаков, которые сами хищнически убивают скот или подстрекают к тому других. Одновременно эти кулаки привлекаются к уголовной ответственности, причём суд применяет к ним лишение свободы на срок до

двух лет с выселением из данной местности или без выселения".³²

Вот так! По московской трафаретке, просто абсурдной с правовой стороны, но понятной с большевистской целесообразности, вершились моментальные расправы над земляками. Два года назад мужик перестал быть хозяином собственного хлеба, теперь отвечал судьбой семьи за сохранность живности, что бродила по двору. И всё же скот продолжали резать. Деревня словно хотела наесться раз и вперёд на всю колхозную историю.

Был и другой резон. Зачем, в самом деле, тянуть пуп в уходе за животными, если точно знаешь, что их отберут. Прямая зависимость убоя от темпов коллективизации говорила всем и всё! По Уралу за один февраль тридцатого, ударный по темпам колхозного дурелома, по указанному обвинению привлекли к суду около восьми тысяч человек. Кроме арестованных по линии ОГПУ.

Авторы противоубойного постановления заботились не о крестьянской коровушке. Отнюдь. Их волновала её будущая колхозная биография. Поэтому надёжно защитили скотину от хозяина. И впредь в системе социалистических ценностей колхозная корова всегда стояла намного выше самого колхозника, а о единоличнике и говорить нечего. Документ рекомендует исключать из колхозов тех лиц, которые перед вступлением продали или забили скот. Заканчивается постановление вовсе интересно. Окружным властям предписывается принять меры, "воспреещающие как советским и коллективным хозяйствам, так и единоличным хозяйствам убой молодняка, в особенности телят и поросят, ниже определённого возраста".

30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило документ "О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации", на основании которого началась практически ликвидация кулачества как класса. Спустя сутки ВЦИК и СНК СССР услужливо узаконили дело постановлением "О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в

районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством". "Мероприятия" открывали путь массовому раскулачиванию и жуткой трагедии выселения. "В целях обеспечения наиболее благоприятных условий для социалистического переустройства сельского хозяйства" документ считает необходимым:

1. Отменить в районах сплошной коллективизации действие закона о разрешении аренды земли и о применении наёмного труда в единоличных хозяйствах...

2. Предоставить краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик право применять в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством, вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов, краёв (областей).

Конфискованное имущество кулацких хозяйств за исключением той части, которая идёт в погашение причитающихся с кулаков обязательств (долгов) государственным и кооперативным органам, должно передаваться в неделимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков, вступающих в колхоз".³³ В тот же день принимается постановление, запрещающее распродажу кулаками своего имущества и переселение.

Ситуация быстро приближалась к своему трагическому финалу. В зауральской деревне свирепствовало узаконенное беззаконие, грабежи и насилие, выдаваемые за классовую борьбу и революционное обновление жизни. Уступим место архивным материалам.

"На второй день, - восторженно сообщала газета "Красный Курган" зимой тридцатого, - шикарные комнаты кулаков, обставленные дорогой мебелью, заняли коммунары - батраки и бедняки - и всё движимое и недвижимое имущество двадцати пяти кулацких хозяйств записали в неделимый капитал коммуны. С сегодняшнего дня не стало села Барашково, а вместо него родилась новая красная коммуна имени тов. Сталина".³⁴ Восторгами по поводу решительности и революционной безжалостности местных коммунаров заполнились все окружные и областные газеты того времени.

“Арестовали шестнадцать семей, - жаловались крестьяне села Меньшиково Белозерского района, - потащили наше имущество по домам... В два часа ночи потащили в сельсовет и начали нас раздевать донага и искать в рубашках и штанах деньги. В то же время актив и уполномоченный стали играть на гармошке, а актив пошёл в пляс. После ареста ходили по кулацким домам, пили водку, стряпали блины, варили яйца... При обыске женщин и детей было форменное издевательство, раздевали донага детей и женщин... Загнали в маленькую комнату сорок человек женщин и детей и выпускали женщин по одной, при обыске у женщин снимали чуть не последние рубашки... Хлеба дают очень мало, сидим голодом”.³⁵

“Мы с раскулачиванием опоздали, - с сожалением констатировалось на заседании бюро Уралобкома ВКП(б) 30 января 1930 года, - в значительной части хозяйств остались дом да горшки. Между речью Сталина (27 декабря 1929 года) и директивами обкома большое время, которое мы упустили”.³⁶ Навёрстывая упущенное, некоторые районы давали распоряжения раскулачивать сразу и “до пупа”. Политическая кампания переросла в неконтролируемый произвол и массовое мародёрство. Несколько примеров из обычного переломного насилия.

“В деревне Косаревой Ирбитского округа в качестве уполномоченного по коллективизации работал член ВЛКСМ Малков, который продержал всю деревню на общем собрании девять суток, арестовав при этом одиннадцать человек, из них семь выслал из деревни. Не вступивших в колхоз заставил освещать фонарями улицы деревни в ночное время”.³⁷

“Кулацкие семьи, - информирует сводка окротдела ГПУ, - обирались до нитки, забирались даже медные иконы (пригодится для трактора как утильсырьё), забирались запачканные детские пелёнки. Часть ценных вещей - золотые изделия, монеты или не включались в опись, или зачастую исчезали бесследно. Хорошая одежда и обувь членами комиссии тут же присваивалась, а кулаку выдавалась скинутая, рваная.

Найденное съестное - пельмени, мясо, водка - тут же съедалось и распивалось”.³⁸

После конфискации кулацкие семьи выбрасывались из домов на мороз ночью и населению запрещалось их принимать. “Вы сволочи - не больше, - смело заявил революционерам и сел за это житель села Светлого Лебяжьевского района Каргапольцев Егор, - взяли имущество кулаков и поделили между собой”. Отчёты с мест признают, что “настроение населения по отношению к комиссиям озлобленное. Ликвидация кулачества как класса рассматривается как обогащение коммунистов”.

“При раскулачивании, - типичный документ эпохи, - растаскивали и присваивали имущество не только рядовые колхозники, имеется ряд случаев, когда растаскивали это имущество члены сельсоветов, члены ВЛКСМ и даже ответственные районные работники”.³⁹ Документ составлен геппеушником, поэтому про областных уполномоченных не сказано. Не сказано в сводках, направляемых в Уралобком ВКП(б). Для себя знали и сохранили свидетельства, что мародёрствуют и большевики кадрово областные. Потом, в камерах тридцать седьмого им напомним даже поштучно украденное во времена раскулачки.

В оцепеневшей от страха деревне всё чаще разыгрывались омерзительные сцены открытого издеательства и пыток. Сарапульский округ Уральской области. В Фокинском районе “применен ряд физического насилия вроде подвешивания к потолку в петле на шее, истыкали шилом тело крестьянки, ставили к стене, угрожая револьвером и давая выстрел в сторону стоящего. По раскулачиванию создавались специальные бригады, которые пьянствовали... Имелись случаи избияния, догола раздевали женщин в поисках денег...”⁴⁰

Тюменский округ. В Ново-Уфимском районе избач Иванов и учитель Пульников, призванные сеять разумное, доброе, вечное, пытали батрачку Матвееву, заподозрив её в том, что она скрывает имущество кулаков. Они вывели её на пруд, а затем спустили её головой в прорубь и держали до потери сознания.⁴¹

И ещё один пример, теперь из родного Курганского округа. "После изъятия имущества, - сообщает архивный материал по Лопатинскому району, - в избучитальню (она везде использовалась для ночных пыток - А.Б.) вызвали кулака Осипова, истязали, требуя отдать золото, садили на стул, председатель сельсовета Катков бил его кулаком, секретарь комсомольской ячейки Фищенко взял ружьё и угрожал его застрелить. При этом присутствовал секретарь ячейки ВКП(б) Хлоптов. После отказа отдать золото Осипова поставили на стул, надели на шею шнурок от креста, привязали шнур к гвоздю на стене, убрали из-под ног стул, имея целью повесить Осипова..."

Сообщение взято из практики передового в округе по темпам коллективизации района. Тут, в Лопатинском районе, организовали всерайонный колхоз. А приведена цитата в качестве иллюстрации к высокой академической мысли, что "коллективизация сельского хозяйства явилась важнейшей частью великой программы социалистического строительства в первой пятилетке, программы построения фундамента социалистической экономики".⁴²

Продолжим детектив о раскулачивании в лопатинском селе Требушинное. "На следующий день эта группа поехала в соседнюю деревню Забошное. Кулаков арестовывали, раздевали, хорошую одежду брали себе, а кулакам отдавали рваную одежду. Отбирали всё - тулупы, шубы, брюки, валенки, шапки и т.д. Так было изъято и растащено имущество в селе Требушинном и Забошное у тридцати кулацких хозяйств. В большинстве отобранные деньги и ценности присвоены."

В первых числах февраля ночью секретарь партийной ячейки Хлоптов, председатель сельсовета Катков и уполномоченный вызвали двух женщин из кулацких хозяйств, издевались над ними, ставили к стенке, угрожая расстрелом... Секретарь партячейки пытался изнасиловать Павлову... После Павловой Хлоптов занялся тем же самым с Езовских Верой... После издевательств их отпустили домой, а чтобы они

не разгласили, что были арестованы, им было приказано из дома никуда не выходить.

Позднее в ту же ночь вызвали кулака Семёнова, 72 лет, над которым всячески издевались, угрожая, и пытались udavit верёвкой".⁴³ Тут же, констатирует документ, присутствовал и участвовал в конфискации "двадцатипяти тысячник", присланный с Урала для передачи опыта революционной борьбы.

Я привёл лишь единичные факты повсеместного произвола, называемого в интересах политического камуфляжа раскулачиванием. Некоторые крестьяне, спасаясь от государственного террора, продавали или бросали имущество и бежали в город. Однако бдительная советская общественность ревниво стерегла свои жертвы.

Холодеет душа от чтения газет "переломного" года. Коммунистическая печать либо тошнотворна от хвастовства, как это было во времена застойные, либо отталкивает оголтелым людоненавистничеством. Пресса сталинских времён и нынешние большевистские газетёнки вызывают брезгливость, будто в них заворачивали покойника. В 1929-м все материалы вплоть до бытовых заметок были пропитаны вселенской, почти физически ощутимой злобой. Стоглавым клубком змей вилась информация с газетных разворотов. "Открыть ураганный огонь по левым загибщикам и правым слюнтяям, мешающим социалистической реконструкции сельского хозяйства!" И не по себе становилось низовым исполнителям злой воли, кто знает, в какую преступную категорию отнесёт их очередная партийная директива.

"Я считаю для себя позорным, - пишет учащийся школы № 1 города Кургана, - находиться на иждивении трутня-отца, укрепляющего религию, тормозящего советское строительство, а потому порываю всякую связь со своим отцом - мракобесом-попом, распространителем лжи и обмана".⁴⁴ Нет, не боль за сыновнее предательство волнует газету. В уста малолетки вкладываются самые грязные, истерически-визгливые обвинения в адрес религии, стремящейся в последнем

деянии своём сохранить в соотечественниках человеческое.

“Кулак в городе!” - набатом гремит с газетных полос. Тотчас организуется травля деревенских переселенцев на городских предприятиях. И жестокость опять подаётся печатью как волеизъявление широких народных масс. “Рабочие города, - сообщает окружная газета, - из своей среды выделили 50 бригад по выявлению и ликвидации кулачества как класса в городе... Выявлены кулаки, устроившиеся на промышленные предприятия. Рабочие города требуют немедленной высылки кулаков...”⁴⁵

Сначала, конечно, никто в написанное не верил. Потом повседневная назойливая ложь стала внешним оформлением наших примитивных убеждений. Дожили и до того, что ввали с честной слезой на глазах.

С переломного года уже не бог, а партийный аппарат и его чёрные архангелы вели нас в мыслях и поступках. Впредь за нами зорко следили: то ли и так ли мы говорим, правильно ли думаем, ходим ли на собрания-демонстрации, не притупилось ли наше классовое чутьё и вообще соответствует ли индивидуальный жизненный энтузиазм высокому общественно необходимому уровню.

О стандарте последнего можно судить по мажорному аккорду одного из докладов секретаря Уралобкома ВКП(б). “За три года посевная площадь колхозов выросла в 40 раз, то есть столько же, сколько у Франции и Италии вместе взятых. Ни в одной стране никогда этого не было... Валовая продукция зерновых в колхозах выросла за три года более чем в 50 раз, а товарная - более чем в 40 раз. Это значит, что пятилетку мы выполнили в два года и более чем в полтора раза... (Имеется в виду план коллективизации - А.Б.) Трудности наши - это трудности роста, а трудности капитализма - трудности упадка...”⁴⁶

Обидно за Францию с Италией. За то, что у них так круто не возросли посевные площади. Пребывая в социализме, мы жалели весь закордонный мировой пролетариат. Стоило немного поумнеть, чтобы начать жалеть себя. Обидно, что в коммунистической пьяни

просадили двадцатый век. На протрезвевшей пожилой душе тошно. Может, стегануть ещё раз этой идеологической бормотухи? В кредит - на век двадцать первый. Чтобы не скрипело на душе до погоста.

Первым пунктом печально известного постановления ЦК ВКП(б) “О темпе коллективизации...”, принятого 5 января 1930 года, определены два генеральных направления партийной политики: замена кулацкого хозяйства крупным колхозным производством и переход к ликвидации кулачества как класса.

Свирепые в произволе низовые “кадровые работники” догадывались, а верхи знали точно, что дело не ограничится простым раскулачиванием. Было решено не ждать мучительного вызревания кооперативного процесса, а взять историю за бока и, хрякнув с натуги, создать социализм разом, путём конфискации крестьянской собственности. Для кооперированного производства экономически необходимы трактор и хозяйственная самостоятельность. Первое было пока технически невозможно, второе - с позиций сталинизма - абсолютно недопустимо.

Номенклатурная общественная наука всегда стыдливо обходила вопрос, зачем нужно было массовое выселение раскулаченных? И почему на Север? Может, власти хотели стабилизировать политическую обстановку в деревне изоляцией своего классового врага? Тогда зачем пёрли к полярному кругу детей и стариков? Царизм иногда ссылал своих политических противников в Сибирь, но всегда считал нежелательным выезд в ссылку родственников осуждённых.

Самостоятельные объединения крепких хозяев, на что ставил А. Чаянов, были опасны. С ними власти сразу же затеяли подозрительную тяжбу. В хозяйства направили армию ревизионных комиссий на предмет проверки финансовой дисциплины и организации труда. Ревизоры, соответствующим образом проинструктированные, работали на пределе отпущенной богом придирчивости. Каждому мелкому хозяйственному проступку придавался глубокий и тайный политический умысел. Прокатилась волна судебных расправ над членами правлений независимых кооперативных